

Когда ты проснешься...

Автор:

[Андрей Эмдин](#)

Когда ты проснешься...

Андрей Эмдин

«Как меня зовут?»

Странный вопрос от странной девушки, верящей в волшебство и ночами собирающей огоньки на пляже. Их встреча на идеальном острове, где всегда светит солнце, а люди приветливы, не случайна. Но кому выгодно создавать совершенные условия для возникновения взаимного притяжения? И чем может обернуться это совершенство, когда его станет слишком много?..

Андрей Эмдин

Когда ты проснешься...

Посвящается всем, кто проснулся

1

Прущие в гору пеняют мне, мол: «Экий неторопливый!»

Я отвечаю: «Кто понял жизнь – ходит не семеня!»

Двигается лето на острова, рябью идут проливы,

Я покидаю чужие сны – ну как ты в них без меня?

«Чужие сны», Олег Медведев

Смеюсь, как никогда в жизни. Волны безудержного смеха тисками сдавливают грудь, некоторое время не отпускают, грозя удушьем, а потом проваливаются вниз живота, даря секундное облегчение. Смотрю на изображение в маленьком экране монитора, и тесное, слабо освещенное помещение охраны сотрясают все новые взрывы хохота.

Охранник дядя Боря сдержанно ухаает в усы густым басом. На его суровых глазах поблескивают едва заметные в свете экранов слезы.

– Александр Владимирович... Саша... – Охраннику приходится отвернуться от монитора, чтобы представшая там картина не спровоцировала новый приступ хохота. – Надеюсь, меня после этого не уволят? Ты же знаешь, как сложно найти работу в моем возрасте. Ну, повеселил старика, ну, стервец!

Не переставая улыбаться, утираю слезы и сдавленно всхлипываю:

– Не волнуйтесь, дядь Борь, Вадим ничего не сделает, это я гарантирую. Но какой шик! Какое исполнение! – Одобрительно хлопаю по плечу бывшего милицейского, а ныне начальника службы безопасности Бориса Сергеевича. Неслыханное панибратство, которого никогда бы не допустил, не окажись мы волею случая соучастниками этого веселого мероприятия.

Смех сближает лучше любых заверений в вечной любви, надежности и верности. Вместо отвратительного кофе, который обычно подают на совещаниях в сверкающих стеклом и металлом небоскребах длинноногие секретарши, стоило бы включать скучным дядькам в костюмах несколько серий комедийных передач. Полчаса общего смеха над глупыми шутками сблизили бы присутствующих гораздо сильнее банальных предварительных корпоративных ласк с графиками и презентациями.

Борис Сергеевич в силу особенностей профессии смеялся редко. Было приятной неожиданностью узнать, что старик сохранил чувство юмора. А вместе с ним и некоторые связи в органах, без которых сегодняшняя шалость попросту не удалась бы. Но теперь дядя Боря беспокоился, и вполне оправданно: шутить пусть и с не единственным, но все-таки директором – дело опасное, сопряженное с туманными перспективами быть уволенным.

Снова бросаю взгляд на монитор. Несмотря на небольшие размеры экрана и низкое качество изображения, на картинке четко просматривается растерянное, полное противоречивых эмоций лицо Вадима – моего лучшего друга и партнера по бизнесу. Тот стоит в окружении внушительных парней с автоматами в черной камуфляжной форме и масках с прорезями для глаз. Папки в его кабинете разбросаны, рубашка выбилась из безупречно отглаженных брюк, галстук ослаблен и неестественно свешен набок. Вадим стоит перед открытым сейфом, где красуется абсолютно неуместный в этой ситуации... праздничный торт.

За двадцать минут до этой, полной сюрреализма, развязки по приглушенной, выверенной за годы службы команде дяди Бори «Начинаем!» в офис небольшой рекламной фирмы ворвалась дюжина бойцов. Гости аккуратно, планомерно и бережно («Бережно, орлы, бережно!» – шипел в рацию дядя Боря) рассчитали весь персонал на первый-второй, после чего направились в кабинет Вадима, где произвели не очень тщательный, но весьма убедительный обыск. Для виду даже отключили от сети несколько компьютеров, демонстрируя намерение забрать их с собой. В довершение силовики потребовали владельца кабинета открыть сейф, в котором Вадим хранил не совсем законные предметы и документы. Всегда сдержанный и правильный директор, несколько раз за время обыска сменивший цвет лица с зеленого на пурпурный, дрожащими руками – уже ожидая худшего – выполнил просьбу серьезно настроенных визитеров. И как только из недр сейфа появился совершенно неуместный в этой ситуации торт, в кабинете наступила гробовая тишина.

В тишину погрузился весь офис, и только в одном помещении двое хулиганов – молодой и в меру безбашенный соучредитель и пожилой, умудренный опытом охранник – разразились громким хохотом. Клянусь, если бы не громко стучащая в висках Вадима кровь, он мог бы услышать доносящиеся из дальнего кабинета звуки.

– Ладно, дядь Борь, – я пожимаю мужчине руку и вытираю краем футболки проступившие слезы, – пойдете сдаваться имениннику.

Мы выходим из укрытия и, протискиваясь сквозь взволнованные группки шепчущихся сотрудников, направляемся к месту проведения спецоперации.

– Александр Влади... там... – кидается в нашу сторону побелевшая от ужаса стажерка.

Отмахиваюсь от нее жестом, который может означать что угодно. В том числе уверенность, что ее молодой начальник сейчас одной рукой уложит спецназовцев, а другой немедленно перенесет весь офис и в первую очередь ее в безопасное место. Предположение о фантазиях стажерки о ее путешествии на руках начальника было, судя по всему, не так уж далеко от действительности. По крайней мере кидаемые ею взгляды и якобы случайно занимаемые в моем присутствии неестественные, как ей казалось, пикантные позы говорили о наличии таковых в голове показавшейся мне поначалу скромной девушки.

В какой-то момент, признаюсь, глянул было с интересом, но потом одернул себя: абсурднее секса с подчиненными может быть только секс за рулем мотоцикла – и в том и в другом случае за минутную слабость рискуешь поплатиться.

Мы заходим в кабинет Вадима, где уже в полной мере наслаждаемся приятными подробностями произошедшего, которые не смогли передать старенькие мониторы на посту охраны, а именно: тяжелым дыханием Вадима, проступившими на его лбу каплями пота и полным хаосом в комнате.

– Саш... это... это что? – сглатывая после каждого слова, спрашивает растерянный друг, показывая на открытый сейф.

Невозмутимо прохожу мимо застывших, точно каменные изваяния, людей в форме к сейфу, зачерпываю пальцем крем с верхушки торта, сдвигая букву «С» в надписи «С днем рождения, Вадим!» и отправляю в рот.

– Это торт, Вадик, – сообщаю, казалось бы, очевидное партнеру. – Между прочим, прямиком из Бельгии, «Шоколя де Труа» – так его там называют. Мы, простые смертные, говорим «Три шоколада», но ты ведь ничего, кроме пирожного «Картошка» по три пятьдесят из школьной столовой, не уважаешь, правда?

Подхожу к ошалевшему Вадиму и горячо его обнимаю, не сильно заботясь о чистоте рубашки друга после контакта белоснежной ткани с измазанной в шоколаде рукой.

- С днем рождения! - громко шепчу я ему на ухо и начинаю аплодировать.

Находящиеся в помещении люди, с заметным удовольствием наблюдающие за разыгрываемой сценой, подхватывают. Вадим смущенно поправляет галстук, молча обводит взглядом хлопающих зрителей и неожиданно выдает такую реплику, за которую мне становится неловко даже перед дядей Борей, хотя тот и сам зачастую не стесняется в выражениях.

Я искренне уважал этого сурового, не смирившегося со своей ненужностью в силовых органах старичка. Борис Сергеевич (в компании мы его ласково называли дядей Борей) был личностью волевой и сильной. Отдавший бо?льшую часть жизни службе в Министерстве внутренних дел, он вдруг оказался за бортом в результате очередной реформы. «Нужно давать дорогу молодым!» - неожиданно сообщило Борису Сергеевичу руководство и, с почестями проводив, заменило более молодыми, перспективными и амбициозными кадрами.

Дядя Боря оказался не единственным, кто в те сложные годы проиграл неравный бой с системой. Большинство его боевых товарищей спились, не в силах вынести ощущения своей ненужности. Однако пожилой военный не растерял бодрости духа и предусмотрительно перешел с государственной службы на коммерческую. Мы взяли его на работу и ни разу не пожалели - дядя Боря оказался настоящим профессионалом и не раз выручал нас с Вадиком. В том числе и в щекотливых, не всегда законных вопросах. Что поделатъ, бизнес есть бизнес!

Дядя Боря оставался в нашей стремительно меняющейся среде оплотом старомодного уюта, островком железной нравственности и чести, которой так не хватает современному миру.

Я относился к дяде Боре с сыновьим уважением, и он в точном соответствии с выданной ему ролью по-отечески хмурил брови, когда я нетрезвый заявлялся в офис после полуночи, чтобы показать очередной новой знакомой «закулисье рекламного бизнеса». Эти ночные экскурсии редко заходили дальше кожаного дивана в моем кабинете, а когда они заканчивались, дядя Боря неизбежно

встречал нас со спутницей на обратном пути, стоя в дверях своей комнаты в конце коридора. «Здрасьте», – густо басил он, прищуривая глаза и помешивая чай в старой оранжевой кружке со свешивающимся с краев пакетиком. Мои спутницы что-то пищали в ответ и исчезали в проходе, а дядя Боря укоризненно качал вслед головой, когда я оборачивался перед выходом из офиса.

К моменту, когда Вадим закончил свое непечатное выступление, у меня не осталось сомнений, что даже бойцы, немало повидавшие на своем веку, густо покраснели под своими непроницаемыми масками. Я улыбаюсь и развожу руками.

– Ну и сволочь же ты, Саша... – шепчет партнер, и напряжение на его лице сменяется улыбкой.

Поняв, что спектакль окончен, дядя Боря кивает «орлам», и те дружно направляются к выходу, гремя тяжелыми сапогами по нежному офисному паркету.

– Спасибо вам! – горячо благодарю я дядю Борю. – Я целый год так не смеялся, с прошлого раза, когда разыгрывал Вадима. Тогда я ему...

– Замолчи! – рычит взявший себя в руки Вадим и легонько тычет меня в плечо, после чего направляется к зеркалу приводить свой внешний вид в порядок.

– Молчу-молчу! – картинно вскидываю руки я и обращаюсь к пожилому охраннику: – Пожалуйста, соберите всех, будем праздновать.

Мы с Вадимом приводим в чувство перепуганный персонал и следующий час проводим в неожиданном для сотрудников чаепитии. Коллеги с удовольствием уплетают извлеченный из сейфа торт и на все лады пересказывают друг другу произошедшее, перебивая и приукрашивая повествование все новыми деталями.

– Хорошая традиция. Никогда не перестанет мне нравиться! – говорю я Вадиму, когда мы спустя несколько часов, поблагодарив коллег за участие, закрываемся в его кабинете.

Падаю на диван и под неодобрительные взгляды друга закидываю ноги на кофейный столик. Под подошвами ботинок оказывается журнал с изображенным на обложке солидным господином в унылом сером костюме и галстуке, которому такое обращение наверняка пришлось бы не по душе.

– Должен признать, – задумчиво говорит Вадик, подойдя и столкнув коленом мои ноги со стола, – с каждым годом ты становишься все изощреннее в своих розыгрышах. Иногда я даже начинаю жалеть, что согласился на это десять лет назад. Но меня успокаивает то, что всего через неделю... – тут он, коварно усмехнувшись, выдерживает драматическую паузу, – наступит моя очередь делать твою жизнь невыносимой.

С Вадимом мы знакомы почти двадцать лет, десять из которых традиционно вместо подарков на дни рождения устраиваем друг другу сумасшедшие розыгрыши. Дни нашего появления на свет следуют с интервалом в неделю, и меня с юности возмущало то, что Вадим, которому посчастливилось родиться первым, имеет огромную фору в том, чтобы переплюнуть своим выступлением все мои спектакли.

Впрочем, этим преимуществом Вадим пользовался редко. Несмотря на то что росли мы вместе, наши представления о жизни оказались до невозможного разными. Вадим – всегда спокойный и рассудительный, человек, исповедующий Планирование и Практичность как две основные религии. И я – сумасшедший ураган, мало к чему в этой жизни относящийся серьезно и убежденный в том, что извлечение удовольствия из каждой промелькнувшей секунды есть главная суть и смысл жизни. Нетрудно догадаться, что розыгрыши Вадима были полным отражением его характера: тщательно выверенные, идеально спланированные, безопасные... и оттого предсказуемые и скучные.

Однако, несмотря на различия в темпераментах и взглядах на жизнь, нам каким-то чудом удалось несколько лет назад создать общее дело. Еще большим чудом было то, что оно существовало и по сей день. Невозможная смесь из хозяйственности Вадима и моей неугомонности вдруг оказалась неожиданно продуктивной. Созданное нами рекламное агентство хоть и не хватало звезд с неба, но обеспечивало нас с Вадимом и еще два десятка сотрудников всем необходимым. Не обеднело агентство и в тот момент, когда в семье Вадима произошло пополнение.

У предсказуемо рано женившегося друга недавно родилась дочь. Мы вместе встречали его супругу из роддома, и едва завидевший укутанную розовую малышку Вадим расплылся в отеческой нежности, утонул в ней с головой да так и не вынырнул обратно, с гордостью приняв внушавший мне ужас статус семейного человека.

Некоторое время я подзуживал старого приятеля на предмет его внезапно наступившей старости («Не старости, а зрелости!» – каждый раз занудно поправляя меня Вадим), а потом оставил счастливого друга в покое. В конце концов, принимать счастье близкого человека как свое собственное, даже если ты такое счастье в гробу видал, – лучшая форма любви, на которую способен человек.

И я страшно любил Вадика, несмотря на его занудство и разлинованную настольным органайзером жизнь. Вадим отвечал взаимностью, в шутку (в шутку ли?) называл меня Демоном и частенько закатывал глаза, призывая небесную канцелярию к ответу. Он вопрошал, за какие такие грехи двадцать лет назад ему «ниспослали вот это» тем славным июньским вечером, когда мы встретились на стройке, оба занятые поиском приключений на свои тощие мальчишеские задницы.

С тех пор мы были неразлейвода и всегда поддерживали друг друга в различных жизненных обстоятельствах. Практичность, привитая Вадиму строгими родителями с детства, и моя страсть к приключениям делали наш тандем практически непобедимым и здорово выручали еще в подростковых переделках. А повзрослев, мы стали использовать преимущества такого тандема и в коммерческих целях: Вадим успешно справлялся с рутинной хозяйственной работой, я же с удовольствием брался за ее креативную часть. Дело процветало, все были довольны, а к изредка возникающим конфликтам мы относились как к неизбежной плате за прогресс и легко их разрешали.

Пятница близилась к своему логическому завершению. Справедливо рассудив, что после розыгрыша рабочему настрою сегодня вернуться не суждено, мы с Вадимом прощаемся с сотрудниками. На выходе нас встречает дядя Боря, и Вадим, пожимая руку моему сообщнику, некоторое время пронизательно вглядывается ему в глаза. Уловив возникшее напряжение на лице Бориса Сергеевича, тяну Вадима за рукав:

– Пойдем, пойдем. Дядя Боря – заложник ситуации, во всем можешь винить меня. Я обещал убить его собаку, если он мне не поможет.

– Этот Демон все устроил? – спрашивает Вадим у растерянного дяди Бори, у которого, насколько мне известно, собаки никогда и не было.

– Этот, этот! – поспешно кивает пожилой охранник и заговорщицки подмигивает.

Вадим отпускает руку охранника, сменяет гнев на милость, прощается и идет за мной. Мы спускаемся на парковку, где нас ждет автомобиль Вадима: совершенно не изящный, а по мне, так и вовсе уродливый, «минивэн».

– Ничего не говори! – предостерегающе говорит Вадим, замечая зарождающуюся на моем лице улыбку. – На сегодня твой лимит шуток исчерпан.

Молча соглашаюсь. Новый автомобиль Вадим приобрел перед самым рождением дочери, создав этим неосмотрительным поступком неисчерпаемый повод для насмешек. «Зато удобно!» – так он, с убежденностью религиозного фанатика, прокомментировал покупку, заметив плохо скрываемый ужас на моем лице.

– Саша, пообещай мне, что на сегодня твои сюрпризы закончились. Вечером мы собираемся посидеть в тихой обстановке с друзьями, и я не хочу там видеть спецназ с автоматами. Уж точно не в своей гостиной. Если собираешься подарить мне еще один торт, пожалуйста, привези его сам.

Я, надевая шлем, глухо обещаю Вадиму, что подумаю, как сделать его праздник еще более запоминающимся. Вадим отвешивает мне звонкий шлепок ладонью по шлему, имитируя подзатыльник, а я, улыбнувшись одними глазами, завожу мотор и выкручиваю ручку газа. Мотоцикл послушно издает рык, громом раскатившийся по полупустой подземной парковке.

«Демон!» – читаю я по губам Вадима, прежде чем он, покрутив у виска пальцем, скрывается в недрах своего «минивэна».

Мотоцикл стремительно разрезает улицы вечерней Москвы. Лавирую между вереницами автомобилей, стараюсь не приближаться к их сверкающим, раскаленным бортам. Стоит поздняя весна, и тысячи любителей натурального хозяйства покидают каменные джунгли, чтобы все выходные самозабвенно отдаваться историческому инстинкту земледелия на своих дачах.

Будучи убежден в том, что фрукты и овощи приятнее всего добывать в супермаркетах, я игнорирую все фермерские задатки. Хотя и очень благодарен трудолюбивым дачникам за опустевший город.

Люди всех регионов страны стремятся попасть в Москву, чтобы начать новую, как им кажется, лучшую жизнь. А очутившись в столице, при первой же возможности стараются из нее удрать. И, простояв несколько часов в пробке из таких же уставших жертв большого города, вздыхают потом с облегчением на крылечках загородных домиков.

Мегаполис – настоящее насилие над природой человека. Для меня же лучшим способом противостоять такому насилию – действовать в соответствии с древним правилом: если драка неизбежна, нападать надо первым. Не сопротивляться царящему вокруг безумию, а принять его, пропустить через себя, самому стать безумцем. На, выкуси, город! Сведи с ума сумасшедшего!

Те, кто воспринимает происходящее всерьез, ломаются быстрее. Подсознательно чувствуя приближающийся надрыв, люди начинают искать сублимативные формы побега.

Самая простая и доступная форма ухода от действительности – алкоголь. Недаром спиртное сопровождает человека и в печали, и в радости. Но я почти уверен, что первый выпивший в мире человек чувствовал не радость, а глубокую, глухую тоску. Потому что тем, кто по-настоящему счастлив, и в голову не придет идея затуманить свое сознание. Напротив, счастливым людям хочется выпитывать каждую секунду своего счастья. С несчастьем ситуация иная – несчастным людям хочется максимально расфокусироваться, сбежать от колючих и неприятных деталей, утонуть в тумане бессвязных мыслей.

Пьющие на вечеринках люди глубоко несчастны. Их несчастье в том, что они полагают, будто не способны испытать настоящую радость без допинга. Так что я даже не уверен в том, кем быть хуже – радостным алкоголиком или

печальным. Пожалуй, пьющие от радости находятся даже в худшем положении: у того, кто спивается от горя, хотя бы есть повод.

Можно сколько угодно запрещать рекламу спиртных напитков и ограничивать продажу алкоголя – все это борьба с последствиями. Людям не нужен алкоголь. Они находятся в поиске ощущения счастья, которое пока не разливают по бутылкам и не подают в красивых хрустальных бокалах со льдом.

Большинство дачников тоже своего рода алкоголики, пребывающие в состоянии похмелья всю рабочую неделю. Каждый будний день они едут на работу, которую ненавидят, где улыбаются коллегам, которых терпеть не могут. На них кричит начальник, клиенты что-то требуют, а они мысленно уже где-то далеко: окучивают любимую грядку или раскуривают сигаретку вечером на крылечке в своем садовом товариществе. И только тогда похмелье «правильной» жизни отступает.

Существуют и другие формы счастья: беспорядочный секс, наркотики, экстремальные виды спорта. Годится все, что взрывает и оглушает привычное течение мыслей, встряхивает повседневность. Если хочется проверить, что все происходящее не сон, – традиционно советуют сильно ущипнуть себя. Острый приступ боли призван выдернуть человека из сна, разделить иллюзию и реальность. В мегаполисе люди регулярно щиплют себя просто для того, чтобы убедиться, что они все еще живы, что еще способны чувствовать.

Добираюсь до дома за какие-то четверть часа. До ужина с Вадимом и его семьей остается три часа. С мстительным удовольствием думаю, что половину этого времени Вадик будет продирается сквозь сонмы автомобилей, матерясь на соседей по дороге. Впрочем, матерясь – это вряд ли, он скорее всего слушает легкую музыку или аудиокнигу и мысленно желает крепкого здоровья каждому подрезавшему его придурку. Поразительный человек.

Не удивлюсь, если вечером вместо традиционных для русских гуляний напитков на столе окажется только торт. А жена друга – румяная молодая девушка – будет разливать по кукольным чашкам в крапинку ароматный чай из носатого чайника. Потом Вадим задует свечи, загадает желание, и в одиннадцать вечера мы отправимся по кроватям, в темноте рассказывая друг другу страшные истории про налоговых инспекторов.

Меня так веселит эта проекция воспоминаний из детства, что я не сдерживаюсь и издаю невольный смешок. Сосед в лифте смотрит на меня с интересом. На мне тяжелая кожаная куртка, трехдневная щетина и растрепанные, спутанные от мотошлема волосы. Соседу непонятно, чему в этой жизни можно улыбаться в темном подъезде. Не уверен, что вообще когда-нибудь видел его улыбающимся. Так что я просто подмигиваю ему и выхожу на своем этаже.

Зайдя в квартиру, привычно вешаю шлем на крючок, с облегчением снимаю тяжелую куртку. Обычно, приехав домой в пятницу после работы, я сплю несколько часов, чтобы к полуночи отправиться в центр, где в это время начинаются чудесные превращения.

Днем холеные офисные работники с серьезными лицами обсуждают контракты и графики, делая вид, что ничего более важного в их жизни не существует. А ночью эти же приличные люди стягиваются в центр города, где набирает свои обороты торжество городского безумия.

Но сегодня мы празднуем день рождения Вадика – человека, далекого от ночных метаморфоз Москвы. К полуночи, как и все нормальные люди, вместо оборотня с горящими глазами, полными похоти и жажды недоступных в будни удовольствий, он превращается в обычного спящего человека. Целует улыбающуюся во сне дочь, исполняет супружеский долг и погружается в сон, чтобы с утра предаться семейной рутине.

Дверь мне открывает Надя, жена Вадима. Мы тепло здороваемся и обнимаемся как лучшие друзья, хотя мне кажется, что втайне она меня недолюбливает. Это лишь догадки, ведь, как и всякая мудрая женщина, Надя не допускает и тени пренебрежения в сторону лучшего друга своего мужа. Когда я поделился своим предположением с Вадимом, он меня заверил, что ни о чем таком и речи быть не может, потому что Надя, как и сам лучший друг, относится ко мне как к неизбежному, непонятному, но все-таки безобидному и родному злу.

Первое время бесшабашный друг Вадима, конечно, вызывал в ней вполне понятное женское беспокойство. Девушка боялась, что дух свободомыслия и культ игнорирования любых душевных привязанностей могут ненароком передаться ее избраннику, и у того возникнут несовместимые с уютным семейным счастьем идеи. Но Вадим был без памяти влюблен, и Надя эту любовь чувствовала подсознательно, женским шестым чувством. А уж когда правильный и честный Вадим сделал ей предложение, расслабилась настолько, что даже

перестала каждые полчаса присылать другу обеспокоенные эсэмэски, если мы с ним задерживались на работе.

Прохожу в гостиную и вижу за накрытым к празднику столом, помимо наших общих знакомых и парочки школьных товарищей, Илью – нового приятеля Вадима. Недавно застал их в офисе что-то горячо обсуждающими. Илья, развернув ноутбук к Вадиму, что-то объяснял тыча пальцем в экран, а партнер, подперев ладонью подбородок, согласно кивал. Как я узнал позже, Илья руководил одним из направлений нашего потенциального клиента и обратился за определенными услугами. Какими именно, я уточнять не стал: мы не лезли в проекты друг друга, поскольку и своих забот хватало. Если Вадиму требовалась моя помощь, он обычно просил об этом напрямую, а без надобности мы друг друга не беспокоили.

Я удивился, что Илья оказался в числе приглашенных: обычно мы с Вадимом не смешивали работу и личную жизнь. Но сейчас Илья сидел рядом с моим другом так, будто они были знакомы сто лет, и что-то вполголоса ему рассказывал, дирижируя собственную речь нанизанным на вилку маринованным грибом.

Глядя на эту внезапно вспыхнувшую приязнь между клиентом и его потенциальным подрядчиком, можно было бы заподозрить друга в кривлении душой во имя коммерческих интересов агентства. Но во-первых, наши потенциальные клиенты если и собирались сближаться с нами, то исключительно в «Пушкинах» и «Турандотах», а вовсе не в простенькой домашней обстановке, а во-вторых, стоило чуть внимательнее приглядеться к Илье, как сразу становилось понятно, чем объяснялась эта неожиданная деловая дружба.

Илья был точно таким же уютным семейным человеком, как Вадик. Его выдавали та же плавная мимика, построение фраз и неторопливые жесты. Даже на праздник Илья пришел со своей тихой, скромной супругой и маленьким сынишкой. Сходство впечатления, которое производили новоиспеченные партнеры, было настолько сильно, что я готов был поспорить, что обнаружу на парковке второй уродливый минивэн, если прямо сейчас предложу джентльменам спуститься вниз.

Гости над чем-то смеются, когда я захожу в комнату, а Вадим, первым заметив мое появление, поднимает руку:

– О, Сашка, проходи. Я как раз рассказываю ребятам о твоём сегодняшнем подарке.

С деланным смущением кланяюсь присутствующим.

– Ты рассказал им, как наложил в штаны при виде дяди-Бориных «орлов»? Ребята, какую версию он вам рассказывает? Как героически противостоял отряду? Не верьте ни единому слову, а лучше заходите к нам в офис, я попросил сохранить запись с камер видеонаблюдения. Кино, я вас уверяю, великолепное! Разогреем попкорн в микроволновке и посмотрим.

– Я тоже хочу! – подает голос Надя.

Гости смеются, а я сажусь за стол. Передо мной тут же появляется тарелка, и дальнейшее застолье течет по классической схеме: мы ужинаем, выпиваем и желаем имениннику разных благ.

Обвожу взглядом веселую, захмелевшую компанию и думаю о том, как мне нравятся эти люди. Большинство наших приятелей с детства отсеялись по естественным причинам. Клявшиеся когда-то, еще на школьном дворе, в вечной дружбе друзья исчезали из нашей жизни, стоило им попасть в омут семейного счастья. Мы некоторое время продолжали приглашать на различные совместные мероприятия, но, получив несколько ответов, в духе «простите, парни, Мариночка не может», махнули рукой. В конце концов, насильно тащить – занятие неблагодарное.

А потом вдруг начавшие разводиться приятели вновь показывались на нашем горизонте. Первое время мы встречали их с радушием и верили звучащим в воздухе новым жарким клятвам, пока не убедились, что прояснение в сознании этих людей носит лишь временный характер. «Вечная дружба» длилась ровно до того момента, пока в жизни заблудшего друга не появлялась очередная «Мариночка», которая «не могла». После чего история повторялась.

В конце концов, мы с Вадиком стали с легкой душой отпускать таких персонажей и больше внимания уделять тем, чье желание быть рядом не зависело от семейной конъюнктуры.

Когда Илья пошел на балкон курить, мы с Вадимом увязались за ним.

– Саш, я давно хотел спросить, – говорит Илья, поднося огонек зажигалки к моей сигарете, – почему ты не женишься?

Затягиваюсь едким дымом и кашляю. Со стороны это выглядит так, как будто я поперхнулся от вопроса. Вадим улыбается – он знает.

– Потому что не хочу, Илья, – отвечаю любопытному приятелю, прокашлявшись.

– Как это – не хочешь? – изумляется тот.

– Глупо хотеть жениться, основываясь на абстрактном желании. Это что, прихоть какая-то? Мне понятно, как можно хотеть связать свою жизнь с конкретным человеком. Но этого человека сначала нужно встретить. Потом понять. Потом молиться, чтобы этот человек принял тебя в ответ со всеми твоими особенностями, и только потом захотеть связать себя узами брака. В вопросе «почему ты не женишься» я вижу призыв к ответственности за несоблюдение какого-то социального ритуала. А я редко руководствуюсь в своих действиях ритуалами. Мне больше нравится мир собственных чувств и ощущений.

– Но, если ты говоришь о чувствах, – Илья неловко стряхивает пепел в окно, и Вадим заботливо пододвигает пепельницу поближе, – неужели тебе не хочется испытать серьезные чувства? Любовь? Боишься ответственности, да?

– Использование в одной фразе слов «любовь» и «серьезность» вызывает у меня тоску. Уж чему-чему, а любви уж точно всякая серьезность противопоказана. Рассказать тебе об ответственности? В какой-то момент наши с Вадимом одноклассники вдруг повально увлеклись серьезными отношениями. Настолько серьезными, что все как один связали себя узами брака. Ленты соцсетей белели вуалью, сверкали золотом колец и чернотой смокингов, счастливые друзья с торжественными аватарками вдруг стали призывать меня стать ответственным и серьезнее. Они говорили, что замужество или женитьба – это главный критерий человека, способного брать на себя ответственность. И знаешь, где сейчас все эти «ответственные» люди? Большинство развелись, матери-одиночки воспитывают детей, некоторые пошли на второй заход в ЗАГС. Я над ними вслух шучу, спрашиваю, не выдали им там еще карту постоянного клиента, а про себя думаю: разве это серьезно? Разве брошенные дети – лучший образец ответственности? Так кто из нас проявляет большую ответственность: я, честно

принявший себя и не пытающийся строить замки из песка, или они – увлеченные блеском ритуала, но не познавшие толком себя и того, чего на самом деле хотят в жизни?

– То есть, по-твоему, лучше бы им вести такой же образ жизни, как у тебя?

– Да при чем здесь это, Илья? Образ, не образ. Я сейчас о честном отношении к себе. Они же сами себя обманывают! Я не святоша, это правда. И действительно наломал много дров. Но я изначально признал себя дровосеком и не пытался изображать строителя. Мои намерения не расходятся с действиями. Ни одной из своих подруг я не клялся у алтаря в верности, чтобы потом оказаться застуканным в постели с другой, как это часто бывает. Так что не надо мне говорить про ответственность!

Вадим улыбается и слегка касается моего плеча, призывая не слишком распалаться. У нас был однажды похожий разговор. Друг тогда, хоть и не разделявший до конца моей позиции, признал, что логика в ней есть, и его несогласие связано исключительно с нашими различиями во взглядах на жизнь. Теперь он, того не скрывая, наслаждался нашей беседой, видя себя в запнувшемся в отсутствии аргументов Ильи.

– Да-а... – задумчиво тянет Илья. – Я вижу, ты долго над этим думал.

– Ты просто неправильно задаешь вопрос. Правильнее было бы узнать, почему я до сих пор не встретил ту, на которой захотел бы жениться. А может, и не захотел бы, но был от этого не менее счастлив с нею без штампа в паспорте.

– Так почему же?

– А черт его знает, – совершенно искренне отвечаю я. – Я судьбу не подгоняю. Ей виднее, когда начать делать из меня «ответственного»!

Пародируя на последнем слове интонацию Ильи, щелчком отправляю окурок в окно. Вадим смотрит осуждающе, возмущенный то ли моей бестактностью в ответе, то ли актом утилизации мусора в мировое пространство. Тем не менее никак не комментирует и демонстративно тушит свою сигарету в пепельнице.

Мы какое-то время молчим, глядя на раскинувшуюся до горизонта оранжевую клетку светящихся окон соседних домов. Тишину снова нарушает Илья.

- А знакомства в Сети ты когда-нибудь пробовал? - неожиданно спрашивает он. - Всякие там сайты, приложения...

Вадим с интересом поднимает на меня глаза. Ему любопытно услышать ответ, ведь раньше мы никогда не обсуждали с ним способы, которыми в моей жизни появляются женщины.

- Пробовал несколько лет назад, - честно отвечаю я, - ничего хорошего.

- Почему же?

- Мне кажется, проблема любых сайтов знакомств в том, что в них отсутствует одна жизненно необходимая вещь.

- И какая же?

- Контекст! - многозначительно выдаю я и смотрю на реакцию приятелей.

Они молчат и ждут продолжения.

- Искусственным способам знакомства всегда не хватает контекста. Какими бы навороченными ни были эти приложения и сайты, они все страдают одной болезнью: единственное, что в момент знакомства объединяет пару, - это само приложение. Улавливаете? То есть единственная объединяющая в этот момент двух людей цель - это поиск новых знакомств. Такой себе повод для возникновения влечения. Приложение искусственно насаждает людям друг друга. Похоже на знакомство мышей в инкубаторе. Возможно, мышкам повезет, и они случайно окажутся теми, кого оба ожидали видеть. Но чаще происходит иначе. Это лотерея, Илья, а я с детства не люблю доверять жизнь воле случая.

- А какой, по-твоему, должен быть тогда контекст? - включается в разговор Вадим.

– Да какой угодно! Два человека, столкнувшиеся на улице из-за того, что оба читали книгу и слишком увлеклись, уже имеют больше шансов найти общий язык, чем искусственно скрещенные в инкубаторе приложения профили. Я, конечно, человек прогрессивный, но по-прежнему считаю, что люди должны знакомиться там, где им больше всего нравится проводить время. Там, где их знакомство происходит без влияния третьих лиц, понимаете?

– Какие книги? – хохочет Вадим. – Твои мышки столкнутся скорее, вперившись в экраны мобильных телефонов! Но скажи мне, много ли у тебя общего контекста с твоими женщинами из клубов и баров?

– Много, – вполне серьезно отвечаю я. – Достаточно того, что мы оба пришли ночью в одно и то же место, чтобы как следует повеселиться. Можно по-разному оценивать серьезность контекста, но ночью в баре у нас определенно общие цели. Наши намерения и интересы схожи, и знакомство развивается так, как нам этого хочется.

– Общие интересы – это выпить и потрахаться на диване в офисе? – хитро прищурившись, спрашивает Вадик. И добавляет, заметив мои округлившиеся глаза: – Ой, Саш, ну, конечно, я все знаю.

Пожимаю плечами.

– Возможно, в вашей вселенной, парни, все женщины хотят исключительно семью, детей и вот это вот все, – неопределенно машу рукой в сторону гостиной, – но я вас уверяю – женщины не всегда хотят следовать роли, которая рекомендована им обществом. Некоторым из них... да большинству, хочется вполне простых удовольствий и безрассудных приключений. Они приходят вечером в бар не для того, чтобы найти себе мужа. Они приходят выпить с подругами. Потанцевать. Если повезет, увлечься каким-нибудь особенно активным небритым зеленоглазым брюнетом, который с легкой руки снимет с них груз общественных обязательств и позволит хотя бы на мгновение обнаружить свою настоящую женственность. Другое дело, что искреннее проявление женщинами сексуальной инициативы в обществе почему-то до сих пор рассматривается как девиантное поведение. Поэтому женщины о своих желаниях никогда не говорят напрямую. Но умалчивание не означает отсутствие. И я ведь даже не соблазняю этих женщин. Соблазнение – это когда ты другому человеку взял и навязал свои желания. Но разве можно считать соблазнением ситуацию, в которой эти желания совпадают?

– Моя жена таких женщин называет ш... – начинает было Илья, но осекается. Лишь машет рукой, мол, вы поняли.

Понимающе улыбаюсь:

– Ну, это такой страшный бабайка для женщин. Сильнее растекшейся туши женщин беспокоит только то, не выглядят ли они так, как их называет твоя жена. И каждую секунду вынуждены балансировать между разрывающими их желаниями и ритуалом недоступности, который навязывает им общество. Мужчина, который может показать женщине, что уважает и открыт к ее естественным проявлениям себя, – успешен у женщин. Мужчина, всем своим видом демонстрирующий серьезные намерения, получает полную программу, социальный «ол инклюзив» с конфетно-букетным периодом. В этом вся ирония отношений полов – обе стороны старательно следуют обоим известным правилам, чутко следя, чтобы каждый надлежащим образом исполнял свою роль.

– Дела... – задумчиво тянет Илья. Потом снова открывает пачку, думая, не закурить ли вторую, но отказывается от этой затеи.

– Ну а вы-то с женой как познакомились? – спрашиваю его я, переводя тему.

– На работе, – уклончиво отвечает он. – И у нас был контекст.

– Поздравляю, мой старомодный друг, – одобрительно улыбаюсь я. – Рад, что ты не из тех, кто играет в рулетку на любовь. Во все азартные игры лучше играть на раздевание. А любовь – материя тонкая! Шуток не терпит. Как и искусственного оплодотворения через все эти ваши «дейтинги».

Илья задумчиво кивает, я дружески хлопаю его по спине, призывая не воспринимать всерьез все, что он услышал, и мы возвращаемся в комнату.

Спустя час прощаюсь с гостями и выхожу из квартиры в компании Вадима, который вызвался проводить меня до машины.

– Спасибо, что заехал. Хорошо посидели. Обычно ты носишься без конца вокруг, и я без таких разговоров, как сегодня на балконе, начинаю забывать, что ты не

просто жуткий бабник, но бабник идеологический. Это страшная, неизлечимая смесь!

– У меня совершенно запущенный случай, медицина бессильна! – комментирую я диагноз друга, и мы смеемся. – Спасибо за приглашение! Попрощайся с Надей, я не стал ждать, пока она уложит твою принцессу.

– Давай, до понедельника. Кстати, помни, что следующая пятница может стать для тебя последней! – неубедительно шутит Вадим, намекая на свою очередь готовить мне сюрприз.

Смеюсь, открывая дверь подкатившего к подъезду такси:

– Хорошо, хорошо. Но учти, что прошлогодняя затея с внезапной беременностью уже тухляк. Я с тех пор внимательно слежу за тем, чтобы не оказаться счастливым обладателем абонемента в «Детский мир». Придется тебе придумать что-нибудь получше. Справишься или помочь?

Вадик кривится в дразнящей гримасе и повторяет мои последние слова, коверкая их.

– Ну, ей-богу, Вадик. Беременность? Ты серьезно? – сажусь в желтый автомобиль. – Это ведь так неэтично – использовать в своих темных делишках невинную милашку Светку!

– Настю, – поправляет Вадим. – Ту девушку звали Настя. И она была не такой уж невинной, насколько я помню по твоим рассказам.

Грожу ему пальцем.

– А ты все-таки меня слушаешь, когда делаешь вид, что тебе не интересно? Грязный извращенец!

– Мог бы и запомнить имя потенциальной матери твоих детей, несостоявшийся папаша! – Он пропускает мою реплику мимо ушей. – Класть лицом в пол половину моего офиса, по-твоему, этично?

– Это и мой офис тоже. – Я пожимаю плечами. – Зато нам всем было весело!

– Не сомневаюсь, что вы с Борисом Сергеевичем отлично провели время. А я чуть с ума не сошел. Кстати, торт был отличный! – говорит Вадим и закрывает за мной дверь автомобиля. Я опускаю стекло, чтобы бросить приятелю очередную шутку, но Вадим вдруг опережает меня, переходя на серьезный тон:

– Поезжай домой и не ходи сегодня к своим девкам. Побереги себя хотя бы до следующей пятницы: оставь мне возможность отыграться.

Нетрезво улыбаюсь и киваю, таксист трогается с места. Салон автомобиля погружается в темноту переулка. Некоторое время мы петляем по улицам микрорайона, прежде чем выезжаем на шоссе и спустя полчаса оказываемся в центре.

Летними пятничными ночами город меняется до неузнаваемости. Всегда собранная, строго взирающая на нас ровными гранями деловых центров дневная Москва ночью выпускает своих демонов наружу. Она зажигает тысячи маленьких маяков, на которые из своих спальных районов слетаются, точно мотыльки, усталые люди.

Женщины с удовольствием снимают с себя узкие офисные юбки и облачаются в струящийся, сверкающий шелк. Мужчины меняют галстуки на рубашки с широким воротом, рваные джинсы и кеды. Не важно, кто они днем, – ночью можно быть кем угодно. Нужно быть кем угодно, главное – не собой.

Освобожденные мотыльки со всей Москвы слетаются в просыпающийся ночью район Красного Октября. На дорогах желтеют сверкающие бока многочисленных такси. Изредка мелькают дорогие автомобили людей, для которых понты оказались дороже алкоголя, и они согласились самостоятельно сесть за руль в обмен на несколько восхищенных взглядов на подъезде к ночному клубу.

В какой-то момент ловлю себя на желании присоединиться к набирающему обороты празднику. Ночная Москва гипнотизирует и запускает липкие щупальца в души случайных ночных гуляк пьянящими огнями, громкой музыкой, роскошью и обещанием удовольствий. Прикоснешься к ней, поддашься влечению – и тебя унесет, закружит в океане света, сигаретного дыма и беснующихся людей. Чертовски заманчивые перспективы! Проживет ли Москва эту ночь без меня?

– Шеф, остановись, пожалуйста, я выйду здесь. – Я хлопаю водителя по плечу и, выйдя из автомобиля, устремляюсь навстречу гипнотическому свету.

3

Неделя пролетела быстро, как это обычно бывает у увлеченных своим делом людей. Об устроенном нами с дядей Борей «происшествии» не вспоминали, дни шли своим чередом. Несколько раз в офисе появлялся Илья, мы здоровались, обменивались ничего не значащими репликами, после чего он надолго исчезал в кабинете Вадима.

В пятницу я проснулся с мыслью, что сегодня следует держать ухо востро. Вместе с настигнувшим меня тридцатилетием начинается мой персональный день смеха. Некоторое время я лежу в постели с телефоном в руках. За ночь пришло несколько сообщений от людей, которые во что бы то ни стало хотели оказаться первыми поздравившими. Эти странные ребята, соревнуясь с невидимыми оппонентами, прислали теплые слова в первые минуты после полуночи. Некоторые спрашивают, намерен ли я сегодня показаться в баре и как следует отметить наступление старости. Приходится сослаться на то, что в честь праздника сделал себе подарок и спонтанно покинул город, но очень благодарен им за приглашение и обязательно проставлюсь по возвращении. Я действительно не собираюсь шумно праздновать. Вечеринки происходят в моей жизни без привязки к каким-либо поводам, и свой день рождения мне всегда хочется отмечать с приятным контрастом: в тихой и спокойной обстановке, в компании Вадима и его супруги.

Когда я думал над форматом вечера, у меня мелькнула шальная мысль затащить эту уютную семейку в ночной клуб, но потом я сжалился и просто заказал столик в уютном плавучем ресторане на одном из речных теплоходов, курсирующих по Москве-реке. Я намеренно не сообщил Вадиму о месте празднования, чтобы усложнить задачу организации традиционной «месты». Кроме того, я немного побаивался таящей в себе опасности московской воды и совершенно не хотел, чтобы розыгрыш был как-то связан с нашей прогулкой. Поэтому подставы от любимого друга следовало ожидать где-то на суше, в течение дня.

В ванной я осторожно пробую зубную пасту на вкус. Но тут же одергиваю себя, рассудив, что Вадим – человек хоть и предсказуемый, но не настолько, чтобы подложить свинью в моем собственном доме. Да еще одним из банальнейших, пройденных в детских лагерях способов вроде замены шампуня на клей или ведра с краской, поджидающего на выходе из квартиры.

Уверен, что после спектакля в офисе меня ждет что-то не менее феерическое. Одновременно со сладким предвкушением меня охватывает липкое чувство страха, подобное тому, что испытываешь, поднимаясь на площадку аттракциона в парке развлечений.

Дома со мной действительно не происходит ничего необычного. Спустившись на парковку, подхожу к скучающему железному коню и придирчиво осматриваю со всех сторон. Делаю это тщательнее, чем обычно, и тут же корю себя за излишнюю осторожность. Как бы далеко мы ни заходили в розыгрышах, Вадим никогда не подвергнет мою жизнь опасности. А уж то, что на мотоцикл он смотрит исключительно как на потенциальную причину моей скоростной гибели, вне всяких сомнений.

В офисе тоже все спокойно. Сотрудники разной степени свежести здороваются, когда я появляюсь на пороге. Вадима на месте не оказывается. Секретарь сообщает, что мой партнер заезжал, взял какие-то документы и отбыл в неизвестном направлении. Тоже ничего необычного – мы с Вадимом часто отлучаемся из офиса и подолгу проводим время у клиентов, обсуждая проекты.

Чувствую легкое разочарование. Отсутствие Вадима служит сигналом, что ничего особенного в рабочее время так и не произойдет.

Стоило мне об этом подумать, как телефон в кармане издает короткую трель: сообщение от Вадима.

«Где и во сколько?» Ни смайлика, ни намека на поздравление.

«В 20 часов, вот здесь!» – отстукиваю приятелю в ответ и отправляю геопозицию – неподалеку от места посадки на теплоход, чтобы Вадим не смог догадаться о формате мероприятия. Осторожность еще никому не помешала.

«ОК» – также коротко отвечает Вадим и больше до конца дня никак о себе не напоминает, поэтому мне даже удается на какое-то время погрузиться в работу, хоть я то и дело невольно возвращаюсь к этой короткой переписке с напустившим туману приятелем.

Оказываюсь в назначенном месте за полчаса до отплытия теплохода. Вадима с супругой не видно, и я уже начинаю нервничать, поскольку и так весь день нахожусь в самой неприятной разновидности ожидания: когда сам не знаешь, чего ждешь. А ожидать можно чего угодно. Например, что рядом вдруг остановится черный тонированный джип и меня грубо запихнут внутрь. Или ко мне подойдет незнакомый человек с какой-либо странной просьбой, что будет означать начало приключенческого квеста. Или Вадим с супругой попросту проигнорируют мое приглашение, написав что-нибудь в духе: «Вот тебе, Демон, и ответочка! Приятного вечера! Ха-ха-ха!»

А еще они могли бы и вовсе отплыть на теплоходе без меня, помахав мне на прощание платочком. Впрочем, последние два сценария были маловероятны: во-первых, Вадим был человеком порядочным до кончиков волос, а во-вторых, паранормальными способностями не обладал и не мог знать о том, что ужин пройдет в плавучей обстановке.

Оставалось что-то еще. Что же? Что ты задумал, мой правильный и предсказуемый друг, и почему не оставил ни единой зацепки?

Не успеваю обдумать – чуть поодаль останавливается белая иномарка с тонированными стеклами, и из нее появляется Вадим. Он галантно протягивает руку жене, помогая выбраться из машины, после чего кивает водителю.

«...Встреча» – успеваю прочитать я блеснувшую в свете уличных фонарей часть надписи на боку автомобиля, прежде чем иномарка трогается с места, проезжает около сотни метров и останавливается. Ребята неторопливо приближаются. Выглядят они шикарно: Надя накрутила волосы и надела обтягивающее длинное вечернее платье фиолетового цвета. Теплая погода установилась в городе недавно, и, возможно, Надя сейчас наслаждается первым официальным выгулом летней вечерней одежды в этом сезоне. Вадим не уступает супруге в торжественности: на нем серый смокинг и белая рубашка с фиолетовым галстуком-бабочкой, гармонирующим с цветом платья супруги. «Надя, наверное, выбирала», – с иронией думаю я перед тем, как стиснуть друзей в объятиях.

– С днем рождения! – нестройно хрипят они, картинно задыхаясь и имитируя отчаянные попытки высвободиться. Мы смеемся, и они смотрят на меня в ожидании дальнейших указаний.

– Пойдемте, пойдемте, – спохватываюсь я, и мы двигаемся вдоль набережной к пристани. По пути посвящаю ребят в формат вечера.

Услышав про теплоход, Надя хлопает в ладоши от восторга, предвкушая маленькое путешествие. Будучи постоянно занятой уходом за ребенком, она в последнее время нечасто выходит в свет. Но сегодня они оставили ребенка на попечение Надиной мамы. И Надя счастлива узнать, что ее вечернее платье будет не просто выгуляно традиционным банкетным способом, но еще и укачано на волнах среди нависающих над Москвой-рекой светящихся панорам ночного города.

– Это так романтично! – мурчит Надя и от нетерпения сильнее сжимает локоть мужа.

Украдкой наблюдаю за Вадимом, стараясь рассмотреть в задумчивом приятеле хотя бы намек на приготовленный им сюрприз. Друг ведет себя сдержанно и лишь молча кивает головой, когда я озвучиваю планы на вечер.

«Настоящая непроницаемая стена!» – с уважением отмечаю актерский талант друга и вдруг замечаю, что белый автомобиль, на котором приехали ребята, все это время неотступно следует за нами, держась на почтительном расстоянии. Когда мы подходим к пристани, иномарка останавливается неподалеку, и ее фары гаснут – водитель глушит мотор.

– Кто это? – спрашиваю у Вадима, кивком указывая в сторону иномарки.

– Сервис личных водителей, – отмахивается он. – Теплоход после круиза возвращается обратно в это же место?

– Да, через три часа.

– Отлично, они встретят нас здесь по возвращении. Не хочется ловить такси среди ночи на набережной, – с этими словами Вадим достает телефон и

набирает короткое сообщение.

Через несколько секунд в белой машине снова заводят мотор, она разворачивается и неспешно скрывается за поворотом из виду.

«Какой же ты продуманный, Вадик!» – привычно отмечаю про себя, провожая взглядом автомобиль. После чего мы поднимаемся по трапу теплохода и проходим в зал ресторана, под стеклянную крышу палубы.

Часть столиков уже занята. Улыбчивая администратор ресторана, профессионально покачивая обтянутой шерстяным платьем попкой, ведет нас к угловому столику на корме.

– Мы будем сидеть как на свадьбе, во главе стола! – восторгается Надя, когда мы усаживаемся. Она толкает мужа локтем и показывает на остальных гостей, чьи столики, в отличие от нашего, располагаются вдоль бортов теплохода.

– Вот и представь, что все это – гости нашей вечеринки. Спасибо, что пришли праздновать мой день рождения! – задорно кричу я и широким жестом обвожу почти полный ресторан.

Вадим хочет призвать меня к порядку и уже было открывает рот, но в этот момент начинает громко играть музыка. На сцене появляется ведущий вечера, и праздник начинается.

4

Программа оказывается на удивление увлекательной. Надя, поддавшись царящему вокруг веселью, несколько раз пытается утащить мужа танцевать, но Вадим крепко держится за бокал и отнекивается, так что танцевать уходим мы с Надей. Потом возвращаемся, выпиваем с хитро улыбающимся и постоянно подливающим в мой бокал спиртное другом, и снова ныряем в толпу.

Жена друга в полном восторге. По ней видно, что замужняя, но вполне молодая женщина оказалась рада выбраться из душного круга детского плача и грязных

памперсов. Она закрывает глаза и как замороженная медленно двигается в такт музыке, пропуская через себя каждую сотрясающую воздух ноту.

Украдкой наблюдаю за ней и отмечаю, насколько Надя красива в окружении мечущихся огней и звуков. Отмечаю просто, без какого-либо подтекста, как факт. Интересно, Вадим понимает, насколько красивая у него жена, или взгляд приятеля уже замылился среди всех этих пеленок, цветастого передника и предсказуемой, точно реклама майонеза, картины семейного счастья?

В один из заходов к столу зову Вадима на палубу подышать свежим воздухом. Чувствую, что хмель сильно ударил в голову – значительно быстрее, чем я рассчитывал. Поэтому срочно требовалось проветриться, чтобы не упасть без сознания в середине очередного танца.

– Пойдем покурим! – Речь дается с трудом, но Вадим меня понимает, кивает и поднимается из-за стола.

Выходим из душного ресторана на палубу и окунаемся в свежесть московской ночи. Голова кружится. За бортом, будто огромные светящиеся горы, величественно проплывают небоскребы делового комплекса Москва-Сити.

– Я что-то сильно захмелел, – признаюсь я Вадиму, облокотившись на перила. Потом вдруг обнимаю друга и громко кричу в темную московскую ночь: – Мы туси-и-и-им!

Вадим улыбается и бросает взгляд на светящиеся башни делового центра:

– А кто-то все еще работает, представляешь!

– Вот ты вечно так – возьмешь и обломаешь кайф, – делано-обиженным тоном отвечаю я и несколько раз тычу пальцем Вадиму в лоб. – Ты можешь хоть чуть-чуть не думать о работе и отдаться потоку событий? Позволить ему завладеть собой, забыть о планировании и просто открыться всем приключениям, которые ждут, пока ты отложишь в сторону календарь! Кстати, о приключениях...

Беру драматическую паузу и жду, пока Вадим сфокусируется на лице своего философствующего товарища.

– Вот ты знаешь, дор-рогой друг. Я весь день, между прочим, как на иголках. Жду, значит, звонка от очередной беременной подруги или неожиданного похищения... Ик! Пардон... бандитами. И знаешь что?

– Что? – спокойно спрашивает Вадим.

– Ничего! – отвечаю другу с пьяным вызовом. – Вот вообще ничего, от слова «совсем»! Ни малюсенькой беременности. Ни малюсенького похищения. Сейчас... – пытаюсь отыскать на руке часы. Это сложнее, чем казалось – когда я успел так сильно напиться? – Сейчас почти половина двенадцатого! – Мне все-таки удастся отыскать минутную стрелку и посчитать нужное до нее количество кружочков. – Зачем вообще выпускать часы без цифр? Один, два, три, четыре... Да! Точно половина. У тебя осталось всего полчаса на розыгрыш. И если ты не собираешься потопить этот милый ресторанчик на колесах... пардон. На чем там эти посудины бороздят просторы водного пространства? Не важно! Если ты не собираешься прямо сейчас пустить это корыто ко дну, я вообще не знаю, как ты собираешься меня разыграть. Ты сдрейфил? Скажи, я пойму. Ну? Сдрейфил же?

Вадим сначала молчит, собираясь с мыслями, а потом вдруг совершенно трезвым голосом выдает:

– А сейчас настало время вручить тебе подарок!

Когда я это слышу, в моем одурманенном алкоголем сознании вдруг мелькает идиотская мысль, что Вадим вместо продуманного розыгрыша прямо сейчас возьмет и вытолкнет меня за борт. На всякий случай крепче сжимаю поручень палубы, но друг, не обратив на мои манипуляции никакого внимания, просто достает телефон и набирает короткое сообщение. Через минуту на палубе появляется Надя.

– Дорогой Саша! – не слишком твердо начинает друг, когда супруга оказывается рядом. – Мы с тобой традиционно устраиваем друг другу розыгрыши последние десять лет. На прошлой неделе ты провел свою юбилейную подставу. Организовал ее изящно и красиво, я впечатлен! Но! – Он в нетвердом жесте поднимает указательный палец, корабль в этот момент немного качнулся на волнах. Вадиму приходится приобнять супругу, чтобы не потерять ораторскую выразительность позы.

– Но! – продолжает он, когда чувствует, что снова твердо стоит на ногах. – Сегодня я должен был устроить тебе юбилейный розыгрыш. Должен был. Но... не буду. – Непонимающе смотрю на друга, а Вадим, переведя дыхание, продолжает: – Неделю назад, стоя вымазанным в торте, как идиот, посреди кабинета, я понял, что кто-то должен это ребячество прекратить. Понял, что уже в том возрасте, когда хороший коньяк и коробка дорогих сигар ценятся сильнее, чем все эти твои... демонические шутки. Ты ни за что не остановишься первый, не тот у тебя характер, да... Поэтому. Я решил, что сдаюсь и капитулирую. Розыгрыша не будет!

Последние слова он выкрикивает громко, так, чтобы я расслышал их наверняка сквозь шум дискотеки и обрушивающийся на палубу ветер.

Вот тебе и розыгрыш! Целый день пустого ожидания. Не могу сказать, что был сильно разочарован. Все-таки я хорошо знаю Вадима и ждал, что рано или поздно этот добряк сдастся и скажет «хватит».

– Дружище, – отвечаю я, обдумав услышанное, – я все равно тебя люб-блю, ты же знаешь. И тебя, Надя, люблю. Я не обещаю, что весь следующий год твой выбор не станет поводом для моих шуток. Ну, ты же понимаешь, да? – Вадим пьяно кивает, прикрыв глаза, а я продолжаю: – И я люблю тебя полностью, со всем твоим занудством и тягой ко всяким извращениям вроде семейной жизни!

– Балда! – смеется Надя и отвешивает мне щелбан.

– Заслужил! – соглашаюсь, склонив голову. – Я вас всех люблю, даже если ты, друг, отказываешь мне в заслуженном подарке!

– Погоди, – Вадим, резко отстраняется, – я отказываюсь участвовать в дальнейших розыгрышах, но это не значит, что я заявился к тебе без подарка. За кого ты нас принимаешь? Надюш, покажи.

Надя прислоняет нетвердо стоящего на ногах Вадима к бортику и, убедившись, что супруг закреплен надежно, открывает сумочку, достает из нее белый конверт и протягивает мне.

– Это что? Деньги? – изумляюсь я, принимая подарок.

– Пф-ф! Какая пошлость! – презрительно фыркает Вадим. – Деньги в кассе – бери, сколько хочешь. Тут другое, открывай давай!

Открываю конверт. Внутри лист бумаги, сплошь покрытый текстом.

– Вади-и-и-им! Ну, ты издеваешься? – хнычу я, тряся полным мелкого текста листом из конверта, перед глазами приятеля. – Я едва могу отличить твое лицо от Надиного. Это твое завещание? Мне ничего от тебя не нужно!

Вадим принимает из моих рук лист и разворачивает его прямо перед моим лицом:

– Да черт, читай уже, пьянь!

Бросаю кривляться, пытаюсь сосредоточиться на документе, и мне это даже частично удается. В документе значится, что гражданин Александр Смирнов улетает из Шереметьева в неизвестном направлении.

– Авиабилет? – убрав от лица пахнувший типографской краской протянутый Вадимом лист бумаги, озвучиваю возникшую догадку. – Мой? А куда лечу-то? Не могу разглядеть.

Вадим убирает листок и складывает обратно в конверт:

– Там нет пункта назначения. Это сюрприз!

Ошалело смотрю на друга:

– Seriously? Ты отправляешь меня в неизвестном направлении? Ты – человек-органайзер?! – Я захожусь в смехе и обнимаю друга. – Не ожидал от тебя такого, не ожидал! Настоящее приключение. Пытать тебя, как я понимаю, бессмысленно?

– Абсолютно. Тем более что я и сам не в курсе, куда ты направляешься.

– Не смейся! Это же ты! Ты, сволочь, все наверняка спланировал до мелочей! Я могу прямо сейчас закрыть глаза и отдаться твоему навыку планирования... – С

этими словами я действительно закрываю глаза и делаю несколько неуверенных шагов по палубе.

Супруги подхватывают меня в тот самый момент, когда я чуть не спотыкаюсь о лежащий на полу швартовочный канат.

- Ох, круто, Вадик. Ты знаешь, сколько я не был в отпуске?!

- Два года, семь месяцев и... - Вадим смотрит на часы, - девять дней.

- ...пятнадцать минут! - пищит Надя, смеясь.

- Когда вылет?

- Через четыре часа, - спокойно говорит Вадим.

- Что, прости?

- Че-рез че-ты-ре ча-са, - по слогам повторяет приятель и снова бросает взгляд на часы. - Через час мы причалим, и белая машина, сопровождавшая нас до пристани, довезет тебя до дома, чтобы ты собрал вещи. Возьми только самое необходимое - все, что тебе нужно для отдыха, будет ждать в пункте назначения.

Грожу приятелю пальцем:

- Так и знал, что ты все спланировал! Вот обожаю тебя за это. Обожаю и ненавижу. Бесишь прям даже, до чего ты... Ай, ладно. Но четыре часа, Вадик! Посмотри на меня! Ты же видишь, что я никакой? Меня в самолет просто не пустят!

- Пустят, не волнуйся. Это частный самолет. Тебя туда пустят даже в состоянии полной отключки. И будут лелеять, как младенца, до самой посадки. Я обо всем позаботился.

- А если у меня есть планы? - задиристо бросаю я приятелю, но мысленно восхищаюсь уровнем организации подарка.

В голосе Вадима вдруг прореживается металл:

– Слушай, кто из нас великий искатель приключений? Какие у тебя планы? Проектов сложных сейчас нет – я это знаю, лето, все разъехались по Куршавелям и дачам в Черногории. Единственные дела, которые у тебя могут быть, – это твои девки. Ну так что с ними станется? Поживут без тебя недельку, чай, не заблудятся на «Красном Октябре» или где ты их там по ночам подбираешь?

Я глупо хихикаю. Неожиданное приключение, да еще в исполнении того, от кого этого меньше всего ожидаешь! Вадим! Вадим, месяцами выбирающий отель для отпуска! Вадим, однажды загонявший до полубморочного состояния помощницу, помогавшую ему с организацией семейного отдыха. И тут такое!

В конце концов я машу рукой:

– Черт с тобой! Звони в свою машину, скажи, что я согласен, пусть везет меня в приключения-я-я! – Я снова обнимаю друзей и уточняю: – А меня точно пропустят в самолет в любом состоянии?

– Точно, – кивает Вадим.

– Тогда... Тогда... Тогда пошли пить! – азартно предлагаю я и, не дожидаясь ответа, тащу Вадима и Надю обратно под купол ресторана.

И мы снова пьем и танцуем. Расслабившийся после нашего разговора Вадим даже позволяет вытащить себя танцевать, чем вызывает приступ ликования супруги.

Этот удивительный вечер – настоящий праздник жизни. Мы молоды, успешны и счастливы. Каждый по-своему, но все-таки слепо, безудержно счастливы. И счастье это, подхваченное и многократно усиленное музыкой, яркими огнями и ослепляющими вспышками стробоскопов, разливается в пьяном ночном воздухе, увлекает за собой, топит в сладкой тягучей пучине. Москва! Я люблю тебя! Я люблю тебя, жизнь!

Вскоре мы сходим с теплохода нетвердой походкой перебравших рома пиратов. Вместе с нами на берег выгружается компания таких же веселых мореплавателей, полностью разделяющих наш восторг от алкогольно-речного путешествия. На волне всеобщей радости мы умудрились за пятнадцать минут до прибытия судна к пристани стать лучшими на свете друзьями. Оказавшись на суше, мы с компанией заверяем друг друга в искреннем уважении и расходимся в разные стороны, договорившись «обязательно как-нибудь созвониться», что на современном городском сленге означает «никогда».

Едва переставляю ноги и с помощью Вадима добираюсь до терпеливо дожидającegoся в сторонке белого автомобиля с матово-черными стеклами.

– А верный конь все ждет и ждет! – задорно пою я, увидев перед собой знакомую машину. Вадим помогает мне забраться на заднее сиденье и вдруг начинает прощаться.

– Пог-гди, друже... – возмущаюсь я заплетающимся языком. – А вы что, не п...едете?

– Нет, – тоном, не терпящим возражений, отвечает Вадим и добавляет, смягчив голос: – Мы с Надей немного пройдемся по набережной, проветрим головы, а потом вызовем такси. Не хочется возвращаться в таком состоянии к теще и ребенку. Нужно немного выветрить запах... – Вадим запинается, подбирая мягкое определение: – Запах праздника! Вы сейчас с водителем прокатитесь к тебе, заберете документы и нужные вещи. Напоминаю: много вещей не бери, я обо всем позаботился. Только самое нужное!

Я нетвердо улыбаюсь:

– Ва-а-адик... Ты сегодня меня удивляешь. Куда делась твоя правильность? Это на тебя так речной воздух действует? Знатный целебный воздух Москворечья! Над-дя, когда я вернусь, мы с тобой потащим Вадика в этот... к-круиз! И там за два месяца из него сделаем че-ло-ве-ка!

Последнее слово я выдыхаю в лицо девушке, и она картинно машет рукой, отгоняя несуществующие пары спирта.

– Хватит трепаться, Демон, – ласково отрезает Вадим. – У тебя самолет через три часа. Хорошего отдыха!

– Приятно отдохнуть, Саш! – машет рукой Надя, и Вадим, не дожидаясь моего ответа, захлопывает дверь автомобиля.

– Уютный ты мой зануда... – невнятно бормочу в пустоту, откидываюсь на удобную спинку заднего сиденья и закрываю глаза.

Машина мягко трогается с места.

Дальнейшее, сквозь мутную пелену пьяного тумана, вспоминается с трудом. Мы бесконечно петляем по ночным улицам. Потом, когда в окне показываются знакомые очертания моей многоэтажки, водитель помогает мне выбраться из машины и провожает до квартиры. На лестничной клетке он сам открывает ключом дверь (после того, как мне это не удастся с нескольких попыток).

Оперевшись рукой о дверной косяк, я оглядываю жилье и прихожу к выводу, что собирать чемодан мне не из чего. Ко всему «самому нужному», о котором говорил Вадим, относятся разве что зубная щетка, паспорт и зарядное устройство для мобильного. Остальное имеет смысл, только если знаешь пункт назначения.

Сборы занимают минут пятнадцать, после чего я с вещами, легко уместившимися в небольшом портфеле, вновь оказываюсь в автомобиле. Машина трогается с места, унося своего единственного, нетвердо стоящего на ногах пассажира в аэропорт.

– У вас все в порядке, Александр Владимирович? – спрашивает водитель, но я не могу ответить, поскольку чувствую, как сознание, успешно справившись с единственной возложенной на него задачей, предательски утекает.

«До чего же однообразны мои пятницы!» – последнее, что я успеваю подумать, прежде чем провалиться в глубокий пьяный сон.

Сон прерывают необычные ощущения в теле. Воздух наполнен ровным гулом, все пространство едва ощутимо вибрирует, я слышу приглушенные голоса людей.

Мысли на удивление связные – значит, я проспал приличное время, достаточное, чтобы карусель, завладевшая моим сознанием до того, как я провалился в беспмятство, отступила. Опасаясь расплаты за веселый вечер в виде неизбежного взрыва головной боли, медленно приоткрываю веки. И уже в следующую секунду с изумлением обнаруживаю себя в самолете.

Не ощутив и намека на похмелье, аккуратно верчу головой по сторонам, рефлекторно разминая шею, но не обнаруживаю признаков усталости. Во всем теле ощущается непривычная легкость.

«Что за чертовщина!» – не без удовольствия думаю я и, опершись на подлокотники, чуть приподнимаюсь, оценивая обстановку. В небольшом салоне самолета, помимо меня, расположились еще семь пассажиров. Объемные кресла, обтянутые мягкой коричневой кожей с подлокотниками из темного дерева, парами располагаются вдоль стен салона. Каждая пара кресел установлена друг напротив друга и разделена откидным лакированным столиком, расположенным под квадратным иллюминатором. На столе стоит неожиданная для авиации невысокая ваза с цветами.

Все пассажиры заняты обычными делами воздушных путешественников и на мое пробуждение не реагируют. Кто-то слушает музыку, откинувшись с закрытыми глазами на спинку кресла. Мой попутчик в числе прочих пассажиров погружен в чтение. Одной рукой с журналом он закрывается от меня цветастой обложкой, а другой – чуть придерживает стоящую на столе кофейную чашку. Когда через салон самолета пробегают вибрации, чашка опасно звенит на блюдце, поэтому читающий пассажир на всякий случай охраняет ее от случайного опрокидывания. Пассажиры с последних четырех кресел в конце салона о чем-то тихонько разговаривают.

Поднявшись чуть выше, я вдруг чувствую движение ткани по телу. Успеваю заметить скользнувший по ногам плед, которым я, оказывается, был до этого момента укрыт, как взгляду открываются мои ноги в шортах. В изумлении смотрю на новую одежду, совершенно не соответствующую последнему

оставшемся в сознании автопортрету.

Возвращаю на место плед и напрягаюсь, восстанавливая в голове события прошлого вечера. Память на удивление отзывчиво подсовывает подробности, включая мои неуклюжие сборы, неразговорчивого водителя загадочной службы с так и не раскрытым до конца названием «...встреча» и мои жалкие попытки попасть ключом в маленькую замочную скважину. Однако после этого наступает темнота. Память наотрез отказывается отдавать хоть что-нибудь из произошедшего после того, как я вновь оказался в автомобиле у своего дома. Позорный уход из сознания – последнее, что мне удастся вспомнить.

– Здравствуйте, Александр Владимирович! – погруженный в мысли, я не замечаю, как рядом появляется улыбчивая девушка в тесной синей юбке, белой блузке и синей же короткой жилетке. На жилетке вышитая золотой нитью красуется монограмма из двух английских букв: эйч и би. Буквы замысловато переплетаются, от них раскидываются в стороны и взмывают вверх золотые нити, а потом снова встречаются над буквами, делая знак более похожим на фамильный герб, чем логотип.

Бортпроводник терпеливо ждет, сохраняя на лице фирменную улыбку, и я, спохватившись, приветствую ее в ответ.

– Мы не стали вас будить во время обеда. Скоро мы начнем снижение, так что кухня уже закончила работу. Я могу предложить вам кофе и что-нибудь перекусить – как раз успеете подкрепиться до приземления.

Мысль о еде, к удивлению, не вызывает приступ тошноты. Тело вообще никак не напоминает о вечеринке, словно это не меня накануне загружали в беспмятстве в самолет, а вместо этого дали хорошенько отоспаться на лучших гостиничных матрасах. Тем не менее я вежливо отказываюсь и интересуюсь, сколько осталось лететь.

– Мы приземлимся через двадцать три минуты, – без запинки отвечает бортпроводник, точно в нее встроено хронометр.

«Настоящий профессионал!» – мысленно восхищаюсь и благодарю милую девушку. Она улыбается, просит сразу же сообщать ей, если мне что-нибудь понадобится, и удаляется в сторону кабины, ловко удержав равновесие в

неожиданно накренившемся самолете. Я провожаю ее взглядом и давлю некстати возникшее предположение, что эта милая девушка может быть как-то замешана в моем загадочном переодевании. Хочется надеяться, что я все же не потерял лицо и переоделся сам, хотя и совершенно не помню этого. Как, впрочем, и других событий, через которые обычно проходят путешественники до того, как оказываются в кресле самолета. В памяти не осталось никаких следов от регистрации на рейс, унижительной процедуры досмотра и проверки багажа, утомительного ожидания в зоне вылета. Возможно, в частной авиации все эти процедуры не так ярко дают ощутить пассажирам свою ничтожность перед воздушной транспортной системой, но не до такой же степени, чтобы совсем исчезнуть из памяти?!

Вопросов оказывается больше, чем ответов, и мне остается только признать за прошлым право оставаться неясным. Решив так, я всматриваюсь в иллюминатор, надеясь разузнать хоть что-то о моем не менее неясном будущем.

Спрашивать о пункте назначения пассажиров или экипаж мне кажется нелепым, поэтому я прикипаю к иллюминатору, надеясь разглядеть внизу знакомые очертания популярных туристических мест. За окном во весь горизонт раскинулось море. Самолет летит достаточно низко, так что мне удастся разглядеть на темно-синей волнистой поверхности то появляющиеся, то исчезающие островки белой пены. Прислоняюсь лбом к нагретому солнцем стеклу иллюминатора, чтобы лучше видеть, куда мы направляемся, но везде одна и та же картина: бескрайняя водная гладь и ни единого намека на сушу, корабль или другие следы присутствия человека.

Пожав плечами, отодвигаюсь от окна и терпеливо жду посадки, украдкой поглядывая на соседа напротив. Он полностью погружен в чтение и не замечает моих нервных движений. Чтобы не мешать соседу разговорами, достаю из кармана шорт мобильный телефон. Эти маленькие игрушки становятся настоящим спасением от неловкости или скуки. Карманный мир, в который можно в любой момент нырнуть, надежно оградившись от окружающих.

Телефон почти разряжен и предсказуемо показывает отсутствие любой из доступных сетей. Бессмысленно пролистаю пальцем влево-вправо привычную сетку иконок и, подумав, убираю бесполезное устройство в карман. Если верить словам бортпроводника загадочной авиакомпания «Эйч Би», до посадки остается совсем немного, поэтому решаю просто ждать.

Примерно через десять минут, когда меня начинает снова клонить в сон, самолет вдруг резко ухает вниз и, задрожав фюзеляжем, начинает уверенное снижение. Смотрю в иллюминатор, и на этот раз мне удастся разглядеть среди бескрайней водной синевы очертания небольшого острова. Через несколько мгновений сомнений не остается – он-то и является конечным пунктом нашего путешествия.

Кажущийся издалека крохотным остров не слишком увеличивается в размере даже после нашего приближения. Небольшой участок земли, полностью покрытый зеленью и опоясанный неровным светлым кольцом песка там, где вода встречается с сушей. У берегов морская синева теряет глубину, постепенно светлеет, и у самого острова становится почти полностью прозрачной.

Глядя на зеленый оазис, невольно отмечаю, насколько он красив. Как будто только сошедший с буклетов турагентств, он раскрывается приятными деталями, каждая из которых вызывает сладкое предвкушение. Обычно изображенные в каталогах панорамы всевозможных райских местечек редко выдерживают проверку реальностью. И вроде формально ты и впрямь попадаешь в место, обещанное туристическими агентами, но то ли песок оказывался недостаточно белым, то ли морская лазурь недостаточно лазурной, всегда чувствуется легкий укол разочарования, ощущение, что вместо обещанного тропического рая тебе подсунули дешевую подделку.

Но этот остров действительно прекрасен. Уже можно было разглядеть отдельные детали вроде раскидистых пальм, небольших, уходящих в воду скал и камней, местами разделяющих песчаное побережье. Промелькнули и скрылись за бортом самолета несколько аккуратных белых построек – кажется, единственные следы человека.

Мы пролетели над береговой линией, снизили высоту, и через несколько минут шасси коснулись посадочной полосы. Едва самолет сбавил ход, пассажиры оживились, отложили свои дела и приникли к иллюминаторам. Мой сосед тоже прекратил чтение, впервые за весь полет встретился со мной глазами, приветливо улыбнулся и стал неторопливо убирать недочитанный журнал в портфель.

Самолет медленно прокатился по взлетной полосе до небольшого здания аэропорта и остановился. Командир корабля по громкой связи поздравил всех с прибытием, и, как только сообщение закончилось, передо мной вновь возникла

та же самая улыбчивая стюардесса:

– Александр Владимирович, с прибытием. Автомобиль за вами прибует через пару минут.

Благодарю девушку за приятный полет и вместе с остальными пассажирами направляюсь к выходу. Порыв горячего воздуха ударяет в лицо сразу, как только я покидаю приятную прохладу салона. Вопреки ожиданиям, в воздухе не чувствуется обычной для тропического климата влажной удушливости. Ощущение жары возникает лишь на контрасте атмосферы с сухой прохладой салона, так что температуру острова можно назвать вполне комфортной. Я даже чувствую радость от таинственной смены своего гардероба: новая одежда лучше соответствует обстановке. Это часть твоей программы, Вадик?

Спустившись по трапу, вижу микроавтобус и легковой автомобиль. Пассажиры направляются к автобусу, и я уже было собираюсь следовать за ними, как вдруг из автомобиля выходит водитель и направляется напрямиком в мою сторону.

– Здравствуйте. Александр Владимирович? – поравнявшись со мной, обращается водитель на чистом русском.

– Да, можно просто Саша.

– Саша, – соглашается водитель, – а я Герман. Вижу, вы налегке? Тогда не будем терять время, я отвезу вас в отель, чтобы вы могли отдохнуть с дороги.

Он протягивает руку, чтобы помочь донести портфель, но я вежливо отказываюсь, и мы направляемся к автомобилю. Закидываю вещи назад, а сам располагаюсь на переднем сиденье, рядом с водителем. Герман понимающе улыбается, заводит мотор, и мы направляемся куда-то в сторону от прочих пассажиров, продолжающих посадку в микроавтобус.

Когда мы минуем здание крошечного аэропорта, чей размер не превышает размеры районного супермаркета, и направляемся к выезду, я оборачиваюсь и окидываю взглядом территорию аэродрома. На единственной взлетно-посадочной полосе одиноко стоит стремительная, остроносая фигурка лайнера, на котором мы прилетели. На матово-синей, не отражающей солнце, поверхности фюзеляжа ярко блестят уже знакомые, но все еще непонятные

переплетающиеся символы.

– Как называется ваша компания? Что означает аббревиатура «Эйч Би»? –
обращаюсь я к водителю.

– Это зависит от контекста. У нее нет четкой расшифровки. Компания оказывает полный комплекс услуг по перелету, проживанию и... – водитель запинается, – прочим развлечениям. На каждом этапе аббревиатуру можно расшифровывать по-разному. Пилоты, например, предпочитают расшифровывать ее, как High Boat, что с определенными допущениями можно перевести как «высоко плавающая лодка».

– Поэтично, – усмехнувшись, комментирую я.

Водитель улыбается, согласно кивает и продолжает рассказ:

– А персонал отеля, в который мы сейчас направляемся, расшифровывает эту аббревиатуру как Harry Beach.

– Счастливый пляж? – не могу сдержать улыбку. – Погодите, а отель разве тоже принадлежит вашей компании? Вы не обычный туроператор?

– Компании принадлежит весь остров, включая аэропорт, самолет и отель.

Присвистнув, одобрительно киваю. Какой большой должна быть корпорация, чтобы выкупить целый остров? И какой должна быть стоимость каждого тура, чтобы сделать путешествие рентабельным? Мы едем уже несколько минут по шоссе вдоль живописного побережья и не встретили ни одной живой души.

За окном ярко светит солнце, вдоль шоссе мелькают раскидистые пальмы, и непрерывно тянется за ними белоснежная пляжная линия. Все очень заманчиво, гармонично и как-то... аккуратно, что ли. Похоже на прекрасное место для отдыха, но многочисленных купающихся, обычно плотно усеивающих курортное прибрежное пространство, почему-то не видно. Значит, несмотря на свой безупречный внешний вид, остров не слишком популярен у туристов. Возможно, сказывается высокая стоимость путевок или сложность с получением визы в страну, которой принадлежит этот маленький безлюдный рай.

– Кстати, – спохватываюсь я, – где мы находимся? На каком языке говорят местные жители? Какая валюта в ходу?

Водитель бросает на меня удивленный взгляд.

– Я... не могу назвать местоположение острова, – отвечает он, немного помолчав.

– Вы шутите? Вы не можете сказать, в какой стране я нахожусь? – Я опешил.

– Простите, я не уполномочен открывать информацию, не связанную с целью вашего приезда, – твердо повторяет Герман, а потом добавляет: – Персонал говорит по-русски. Гости отеля в большинстве своем тоже владеют русским. Деньги вам не нужны, мы работаем по системе «ультра-инклюзив» – если вам что-то понадобится, просто скажите об этом работникам отеля.

– Да ладно? Что за... – Не удовлетворенный объяснениями, я достаю из кармана мобильный, с намерением уточнить детали у подарившего мне странную путевку Вадима. Телефон продолжает показывать отсутствие сети. Чертыхнувшись, перезагружаю очевидно зависший гаджет, а водитель, заметив мои метания, усмехается:

– Сотовой связи на острове нет. И Интернета тоже.

Смотрю на провожатого огромными глазами. Он некоторое время смотрит на дорогу, а потом, почувствовав на себе мой пристальный взгляд, снижает скорость и останавливает машину на обочине.

– Послушайте, Саша, цель вашего путешествия – полное погружение в расслабляющую атмосферу острова. Ваша задача – постараться ни о чем не думать ближайшие несколько дней и отдаться приятному течению событий. Весь персонал острова, включая меня, работает для того, чтобы вы комфортно провели время. Вы ведь из Москвы? Я понимаю, что идея полностью отключиться от внешнего мира может поначалу пугать. Но пообещайте, что вы попытаетесь расслабиться, хорошо?

Я некоторое время молча перевариваю услышанное, а потом медленно киваю, признавая, что в словах моего провожатого есть доля истины. Большинство

людей, отправляясь в отпуск, помимо костюмов и купальников, тянут с собой огромный багаж городских забот. Вместо того чтобы ослабить контроль над своей обычной жизнью, они щепетильно уточняют перед выездом, достаточно ли быстрый в их отеле вай-фай, чтобы продолжать оставаться на связи с теми, от кого вроде как собирались отдохнуть. Я и сам этим грешил, находясь в отпуске: постоянно переписывался с московскими друзьями, публиковал фотографии в социальных сетях и наслаждался реакцией, когда ко мне из заснеженной Москвы в жаркие индонезийские тропики прилетали завистливые комментарии.

Большинство находящихся в отпуске напоминает новорожденных, которым почему-то не перерезали пуповину. Успешно переместив тело в новую обстановку, мыслями они по-прежнему остаются дома.

Смирившись со своим новым положением, убираю телефон.

– Я бы хотел сообщить другу, что долетел.

– Не волнуйтесь, ваш друг получил уведомление о прибытии, как только самолет приземлился, – говорит Герман, после чего вновь вырывается на трассу.

Иллюзия безлюдности острова рассеивается, когда спустя несколько минут перед нами показывается компактное двухэтажное здание отеля с идеально белыми стенами. На втором этаже панорамные окна номеров чередуются с небольшими балкончиками. На некоторых балконах в плетеных креслах сидят люди, где-то сохнут перекинутые через прозрачные перила цветастые полотенца. Отель в отличие от остального острова выглядит вполне обитаемым.

В подтверждение моей мысли мимо нас проходит молодая пара в купальниках. У парня перекинута через плечо полотенце, он держит за руку девушку с мокрыми волосами. Ребята с любопытством оглядываются на наш припаркованный автомобиль, обходят его и направляются в сторону пляжа.

К отелю от парковки ведет выложенная камнем дорожка, огражденная по бокам невысоким кустарником. Лужайка вокруг отеля аккуратно пострижена, местами высажены высокие пальмы, достигающие раскидистыми ветками до второго этажа и частично скрывающие его от солнца. Где-то работает система автоматического полива газона: даже сквозь салон автомобиля я слышу ее размеренное «цык-цык-цык».

– На этом я с вами прощаюсь, – с вежливым сожалением говорит Герман, терпеливо ждущий, пока пассажир доразглядывает отель. – Желаю вам приятного погружения в наш райский уголок.

Пожимаю протянутую загорелую руку, благодарю за краткий инструктаж и выхожу из машины. Перед тем как я успеваю закрыть дверь, Герман вдруг неожиданно произносит:

– Саша, я понимаю, что вы привыкли все контролировать. Но уверяю, вы получите большее удовольствие, если позволите себе этого не делать.

Киваю, закрываю дверь и, проводив взглядом уезжающий автомобиль, направляюсь ко входу в отель. Здесь жара ощущается не столь сильно, как под палящим солнцем на поле аэродрома.

Солнце высоко стоит в небе, и я думаю, что по местному времени сейчас немногим после полудня. По прошлым путешествиям я помню, что к этому времени на островах обычно начинается настоящий ад. Отдыхающие спешат укрыться от беспощадного солнца в своих номерах и не показывают носа до самого вечера. Там, где я оказался, напротив, чувствовался идеальный баланс температуры. Воздух был прогрет до такой степени, чтобы мысль о купании в море казалась заманчивой, но не выглядела как бегство от невыносимой жары.

«Отличный выбор острова, – с уважением мысленно обращаюсь я к загадочной корпорации с аббревиатурой, так легко поддающейся творческим трактовкам. – Нужно будет по возвращении расспросить Вадима об этих странных путевках».

Внутреннее пространство отеля встречает приятной прохладой. Интерьер простой, выполненный в светлых тонах с минимумом декора и мебели. В лобби только несколько белых диванов и стойка портье. Подхожу к стойке, за которой стоит молодой парень. На лацкане его белого пиджака красуется знакомая золотая монограмма.

Портье поднимает на меня взгляд прежде, чем я успеваю сказать хоть слово.

– Здравствуйте, Саша! – неожиданно обращается он ко мне по имени и дружелюбно улыбается, будто мы давно знакомы.

Удивляюсь, что портье не обращается ко мне по полному имени, как это подобает сотрудникам отеля. Но ловлю себя на мысли, что даже рад тому, что мне снова не резанули слух официальным обращением.

- Добро пожаловать на остров, - тем временем продолжает портье: - Как прошел полет?

- Все хорошо, спасибо. Ваши коллеги очень милые люди. И загадочные. Особенно водитель.

- Герман? - улыбается портье. - Он любит напустить туману.

- Ни в какую не захотел открыть местонахождение острова.

- Таковы правила, - пожимает плечами работник отеля. - Наша система отдыха построена на принципе отказа от лишнего. Все, что не связано с целью вашего пребывания здесь, остается за пределами острова. Так мы достигаем атмосферы полного погружения.

Отмечаю, что портье, как и Герман, использует слово «погружение», и у меня возникает неприятное подозрение, что за кажущимся на первый взгляд обычным пляжным отдыхом может таиться изучение каких-нибудь модных эзотерических практик. А значит, есть шанс, что через какое-то время мне будут настойчиво рекомендованы регулярные медитации на лужайке под руководством опытного гуру. А вместо завтрака, обеда и ужина мы будем коллективно мычать «ом-м», питаться солнечной энергией и постигать дхарму. Успокаивает и дает надежду то, что Вадим ранее не был замечен в чрезмерном увлечении эзотерикой и вряд ли бы подарил подобную путевку другу.

- Ваш номер - шесть, второй этаж, налево до конца, - выводит меня из раздумий портье. - Ваши соседи только что направились на пляж, возможно, вы столкнулись с ними у входа в отель.

- Да, мы их видели, - благодарю портье, и наступает неловкая заминка. - Ключ?

- Ключ вам не нужен, - снисходительно улыбается портье. - Просто поднесите ладонь к сенсору рядом с дверью. В номере есть внутренний телефон, на нем

указаны номера всех служб. Если что-то будет нужно – не стесняйтесь дать об этом знать. Приятного отдыха! Спасибо, что выбрали «Эйч Би».

– «Хеппи Бич», – со знанием дела отвечаю ему я.

Портье улыбается и заговорщицки подмигивает. Поднимаюсь на второй этаж и, подойдя к нужной двери, неуверенно подношу руку к сенсору. Тот секунду думает, затем появляется зеленый огонек, и замок в двери щелкает.

Несмотря на все странности места, в котором я оказался, внутри номера меня не ожидает никаких сюрпризов. Это обычная, просторная, светлая комната, половину пространства которой занимает традиционная для отелей двуспальная кровать, застеленная белыми простынями. Кроме кровати, в номере есть письменный стол, мини-бар, платяной шкаф и несколько кресел. На тумбочке действительно обнаруживается телефон, но на этом оснащение номера электроникой заканчивается. Обычно на противоположную от кровати стену в отелях зачем-то размещают телевизор, однако в моей комнате кровать располагается напротив стены с панорамным остеклением, за которым сквозь светлый тюль угадываются очертания балконных перил.

После всего, что мне удалось узнать об острове с момента прибытия, отсутствие телевизора воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Концепция полного погружения не терпит информационного шума, к источникам которого относятся сотовая связь, Интернет и телевидение. Чувствую, что начинаю понимать философию этого путешествия и даже относиться к ней с некоторой симпатией.

Я знаю людей, утверждающих, что готовы заплатить много денег, лишь бы где-то затеряться без сотовой сети и Интернета. Все это, конечно, шутки, поскольку на самом деле любых городских жителей до чертиков пугает перспектива однажды остаться без связи. Но вот я здесь, с бесполезным телефоном, в полном информационном вакууме. И совершенно не чувствую себя хуже от того, что не имею возможности передать десятку приятелей традиционный хвастливый отпускной привет.

Бросаю портфель на стол, скидываю обувь, ложусь на кровать и закрываю глаза. Через несколько секунд понимаю, что сделал это лишь по привычке, потому что именно так полагает себя вести уставшим с дороги путникам. Поэтому, отдавая

дань традиции, я некоторое время тщетно ищу в теле хоть малейший намек на усталость, но прихожу к выводу, что чувствую себя как-то слишком хорошо для только прибывшего. Возможно, причиной этому был долгий перелет – обычно острова находятся в предательской удаленности от Москвы, так что я вполне мог успеть как следует выспаться. Вполне возможно и то, что так проявляет себя целебный воздух острова. Как бы то ни было, лежать и сетовать на неожиданно хорошее самочувствие глупо, поэтому начинаю думать, чем бы себя занять.

Мысль сразу же отправиться на пляж кажется заманчивой, если бы не омрачающий ее факт отсутствия каких-либо пляжных принадлежностей. Вадим не сподобился сообщить мне об уготовленном пляжном отдыхе, так что я оказался на острове совершенно неподготовленным.

Встаю с кровати, намереваясь отыскать способ добыть плавки, беру оставленный на столе портфель, открываю шкаф, чтобы закинуть туда бесполезный багаж, и впадаю в ступор при виде его содержимого. Мне кажется, что я по ошибке оказался в чужом номере, потому что из шкафа на меня смотрит аккуратно развешенная чужая одежда.

Уже думаю направиться скандалить с сервисными службами отеля, как вдруг замечаю, что каждый предмет неизвестного гардероба украшает маленькая болтающаяся магазинная бирка. Ловлю рукой один из ярлычков, переворачиваю его и обнаруживаю знакомые витиеватые золотые буквы «НВ».

Несколько пар легких льняных брюк, пара свободных рубашек и футболок, безупречно выглаженные, будто только из химчистки, на поверку оказываются совершенно новыми. Создается ощущение, что висящая в шкафу одежда – такая же неотъемлемая часть отельного сервиса, как фирменные шампуни и мыло.

Снимаю с вешалки одну из рубашек, примеряю – оказывается впору. Впору приходятся и брюки, а также найденные на нижней полке запечатанные в пластиковые пакеты плавки.

Конечно, Вадим предупреждал, что позаботился обо всех деталях моего путешествия. Под «всеми деталями» я представлял организацию перелета. Укладывался в мое понимание и подготовленный трансфер из аэропорта до отеля, а также забронированный номер. Я даже мог себе представить

организованную Вадимом персональную программу развлечений – в наше время возможно дистанционно создать любой сценарий путешествия. Но что я действительно не мог себе представить, так это того, что в номере окажется подготовленная для меня одежда, так буднично висящая в шкафу, как фирменная шапочка для душа.

Окончательно осмелев, срываю ярлыки с остальной одежды и привожу свой вид в полное соответствие с программой пляжного отдыха. Придирчиво осмотрев себя в зеркало, убеждаюсь, что все подходит по размеру, снова дивлюсь слаженной работе неведомых мне служб и выхожу из номера.

Пляж находится примерно в двухстах метрах от отеля. Я дохожу до конца выложенной плиткой дорожки и, скинув обувь, дальше иду в сторону воды по белоснежному, чуть похрустывающему под ногами песку босиком. Куда ни глянь, простирается извилистая береговая линия. Небольшие волны спокойно набегают на берег и откатываются назад, наполняя воздух легким морским шипением. Кое-где растут пальмы, дополняющие морскую симфонию приятным шелестом каждый раз, когда редкие порывы ветра касаются их разлапистых ветвей. От моря веет успокаивающей соленой прохладой.

Подхожу к воде, и в поле зрения оказываются еще несколько групп отдыхающих. Все они находятся на приличном расстоянии, так что я не могу детально их рассмотреть. Думаю, среди этих ребят, кажущихся сейчас едва различимыми точками, есть и мои соседи, которых я встретил на входе в отель.

Значительные, по сравнению с количеством отдыхающих, размеры острова приятно намекают, что меня ждет расслабленный, уединенный отдых. И никакого раздражающего гомона детей, внезапных порций песка в глаза от стряхиваемых полотенец и зычных окриков пляжных торговцев, предлагающих рыбу, сладости и водные развлечения. Вадим, ты лучший туроператор из всех, что у меня были!

Зачерпываю лазурную гладь носком ноги, пробуя температуру. Вода ласково холодит ступни, но не вызывает колючих судорог. Как и все на этом острове, ее температура оказывается безупречной. Не знаю, сколько звезд у моего отеля, но, если кто-то выдает статусы островам, этот, без сомнений, заслуживает твердую пятерку.

Весь день я провожу на пляже, купаясь и загорая. Другие отдыхающие, к моему удовольствию, не проявляют ко мне никакого интереса, так что я оказываюсь предоставлен сам себе. Желание с кем-нибудь пообщаться возникает, лишь когда солнце начинает клониться к закату. Понадеявшись, что концепция душевного беззвучия отеля не включает в себя культуру отшельничества, направляюсь в отель, чтобы разузнать, как на этом острове предполагается коротать вечера одинокому путешественнику.

В лобби меня встречает все тот же портье, при моем появлении сразу оторвавшийся от невидимого монитора.

– Рад вновь вас видеть, Саша, – произносит он с хорошо поставленной интонацией. – Как искупались?

– У вас прекрасный остров. Вы умудрились сделать идеальным не только обслуживание, но и атмосферу, температуру воды и воздуха. Отдельное спасибо вам за одежду!

– Я рад, что вы удовлетворены, – сдержанно улыбается портье, – и вам очень идет этот костюм. Уже придумали, чем займетесь вечером?

– Вот об этом как раз я и хотел поговорить. Чем у вас здесь можно заняться?

– Если вы выйдете из отеля и пройдете направо вдоль здания, за углом найдете наш клуб. Постояльцы обычно проводят вечера там, поскольку на острове нет других развлекательных заведений. Наши гости очень доброжелательные и разносторонние люди. Я уверен, что вы быстро подружитесь с кем-нибудь из них.

Благодарю вежливого служащего и поднимаюсь в номер, несколько озадаченный. Обычно туристические места сплошь испещрены желающими заработать на пребывающих в нирване отдыхающих. Оказавшись в новом месте, люди охотно тратят деньги на вещи, которые никогда бы не купили в обычной жизни.

Похоже, что корпорация «НВ» не допускала на свой остров ни одного постороннего бизнеса, желая самостоятельно контролировать все этапы отдыха: от перелета до досуга. Чем-то это напоминало новомодные экоотели, в большом

количестве возникшие, как только заботиться о своем здоровье вдруг стало модно и людей потянуло ко всему чистому и экологическому.

Но делать нечего – программа отдыха заказана, поэтому я направляюсь в номер, чтобы привести себя в порядок к вечеру. Смыв соленую воду, некоторое время лежу в кровати, чувствуя, как по телу разливается долгожданное расслабление. За окном темнеет. Над морем показывается яркая полная луна, отбрасывающая на черную водную гладь сверкающую серебристую дорожку.

Выйдя из отеля, некоторое время люблю эту картину и направляюсь вдоль здания направо по освещенной садовыми светильниками тропинке. Где-то вдалеке слышится волнение мучающегося от бессонницы моря. Со стороны пока невидимого мне клуба доносятся музыка, звон посуды и голоса людей.

Впереди в том же направлении, что и я, медленно идет компания из нескольких парней и девчонок. Некоторое время иду за ними, пока из-за угла не показывается одноэтажная постройка с просторной открытой верандой – похоже, это и есть клуб. На веранде ужинают люди, на их столах горят свечи, в воздухе разливается инструментальная музыка. Приятно пахнет выпечкой и еще чем-то незнакомым, но очень аппетитным. Между столиками снуют официанты в темных костюмах с белыми передниками.

Входа на веранду не видно, идущие впереди попутчики поднимаются по ступенькам и скрываются внутри здания клуба. Следую за ними и оказываюсь в небольшом помещении, похожем одновременно и на бар и на ночной клуб. В дальнем углу оборудована сцена, у одной из стен тянется длинная барная стойка, а противоположная стена полностью остекленная, с двумя дверями, ведущими на мерцающую огоньками свечей веранду.

В баре несколько столиков, но все они сейчас пусты – посетители клуба предпочли ужинать на открытом воздухе, наслаждаясь приятным морским бризом. Только у барной стойки расположились двое мужчин в такой же отельной одежде да бармен, одетый в стильную яркую гавайскую рубашку. Гости о чем-то беседуют с делающим, кажется, одновременно сто дел барменом за стойкой и не обращают на мое появление никакого внимания. Поразмыслив, направляюсь к ним.

Бармен прерывает свой рассказ и некоторое время следит за моим приближением. Как только я подхожу, он вдруг обращается ко мне по имени, в точности, как это сделал днем портье:

– Здравствуйте, Саша. Поздравляю с первым днем на острове. Желаете чего-нибудь выпить?

Подсаживаюсь за барную стойку рядом с двумя мужчинами, здороваюсь с ними вежливым кивком и интересуюсь:

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

Бармен хитро улыбается и некоторое время медлит, наслаждаясь произведенным эффектом:

– У нас на острове нечасто бывают новые лица. А о вашем прилете мне рассказал Олег, – бармен кивком указывает на одного из сидящих за стойкой мужчин. Его лицо кажется мне смутно знакомым.

– Олег. – Мужчина тут же протягивает руку и приветливо улыбается.

– Саша, – в привычной манере, без официоза, представляюсь я. – Мы знакомы?

– Теперь да. – Олег смеется и представляет своего спутника. Мы пожимаем друг другу руки.

– А я Джим, – встречается в разговор бармен. – Чувствуйте себя как дома. Сделать вам «маргариту»?

– Я буду виски, – твердо отвечаю я, получая в ответ уважительный взгляд от бармена.

– С колой? – с хитрым прищуром уточняет он.

– Чистый, – гордо отвечаю я под одобрительное гудение собеседников, чей статус с каждой проведенной в баре минутой плавно перетекал в «собутельников».

– Прости, если смутил тебя, Саша, – говорит Олег, когда Джим исполняет мое пожелание. – Я видел тебя в самолете и услышал, как стюардесса обратилась к тебе по имени.

Тут-то я и узнаю в Олеге своего молчаливого соседа по креслу, весь полет читавшего журнал.

– Теперь понятно, – облегченно киваю я. Мы поднимаем бокалы и чокаемся; к моему удивлению, Джим тоже присоединяется к нам и залпом опрокидывает из маленькой рюмки нечто похожее на текилу.

– А вам разве можно? – спрашиваю я бармена.

– А почему нет? – азартно отвечает Джим. – Можно пить, но нельзя пьянеть. Чем больше можешь выпить с гостями, не опьянев, тем выше твой профессионализм.

– Нам никогда не удавалось перепить Джима, – подает голос спутник моего соседа по самолету.

– Слабаки! – презрительно бросает в их сторону Джим и снова разливает по стаканам.

– Друзья, полегче! Куда так торопиться? – отодвигаю свой бокал от протянутой Джимом бутылки.

– Да, ладно тебе, Саш. Здесь такая атмосфера! – Олег шумно втягивает ноздрями воздух. – Практически невозможно опьянеть. А еще наутро не болит голова!

– Настоящий рай для алкоголиков, – замечаю я, но возвращаю Джиму отодвинутый было бокал. Он с готовностью восполняет содержимое. – Обычно нормальных людей хотя бы сдерживает предчувствие неминуемой расплаты за удовольствие. А здесь же спиться можно!

– А чем мы, по-твоему, заняты? – смеется Олег. – Здесь больше нечего делать. Загорать, купаться, есть и пить. Все!

Как только Олег упоминает еду, я вдруг ощущаю сильное чувство голода. Немудрено: я проспал обед в самолете, а с того момента во рту не было ни крошки.

- Вы приехали вдвоем? - спрашиваю у мужчин.

- Вчетвером, - отвечает Олег и машет рукой в сторону веранды. - Наши жены ужинают на веранде, пока мы тут напиваемся.

- Я бы тоже что-нибудь перекусил. Голоден как волк.

- Так пойдем с нами, - охотно спохватывается Олег. - Поужинаем вместе, мы как раз закончили первый раунд.

Олег подмигивает Джиму, обещая скоро вернуться, а тот гостеприимно разводит руками, мол, мы всегда рады вашему визиту. Встаем со своих мест, киваем только подсевшим к стойке гостям и выходим на террасу.

Дующий с моря ветер треплет маленькие белые цветы, посаженные в длинные кадки вдоль ограждения веранды. Пламя свечей, расставленных на каждом столике, разбрасывает по лицам отдыхающих причудливые тени. Помещение мягко освещено невидимым мне источником света, и это свечение отгоняет непроглядную черноту, начинающуюся сразу за ограждением. Если бы не светящаяся вдалеке на водной поверхности лунная дорожка, можно было бы подумать, что клуб плывет в бесконечном космическом пространстве - настолько непроглядной оказывается темнота. Ни фар автомобилей, ни стреляющих в небо прожекторов ночных клубов, густо утыканных вдоль набережных большинства известных мне пляжных курортов. Складывается впечатление, что отель, клуб и аэропорт - единственные островки цивилизации в этом идеальном зеленом раю, и, судя по всему, это впечатление не сильно расходится с реальностью.

Мы проходим между рядами столиков, и некоторые из ужинающих - всего на веранде не больше тридцати человек - бросают на меня любопытные взгляды. Встретившись со мной глазами, они едва заметно улыбаются, кивают в знак приветствия и возвращаются к еде или разговорам.

Ужинаю в компании новых знакомых и их жен. Ребята оказываются приятными и интересными собеседниками, но больше всего мне бросилась в глаза их глубокая неторопливость. В них не было и тени столь привычной для меня и свойственной всем жителям больших городов суетливости. Прилетевшие в отпуск адепты мегаполисов еще долго по инерции чувствуют себя как на иголках, испытывая фантомные желания непременно куда-то бежать, следить за временем и думать о предстоящих делах. Однако прилетевший сегодня Олег, как и его друзья, не проявлял никаких признаков суеты. Это были абсолютно спокойные, расслабленные люди, наслаждающиеся каждой подаренной островом секундой. Они неторопливо ели, неторопливо смаковали напитки, неторопливо и размеренно разговаривали, не перебивая друг друга и вдумчиво осмысливая сказанное собеседником.

Это была не единственная странность моих новых знакомых. Если расслабленность можно было оправдать тем, что они считались завсегдатаями этого места и уже глубоко прониклись концепцией «Счастливого пляжа», то я никак не мог объяснить демонстративную неохоту, с которой они распространялись о своей жизни вне острова. В современной жизни мы – те, чем зарабатываем себе на жизнь, где живем, какие автомобили и курорты можем себе позволить. Я сделал несколько неловких попыток что-либо разузнать о своих собеседниках, однако каждый раз наткнулся на мягкий отказ и уход от темы. Настаивать было неловко, поэтому спустя какое-то время, не желая показаться навязчивым, я признал за своими новыми знакомыми право хранить тайну. Но уловив подходящий момент в разговоре, я задаю другой, волновавший меня не меньше, чем информация о личной жизни собеседников, вопрос:

– Друзья, а сюда все только парами приезжают или есть одиночки, как я?

Ребята озадаченно переглядываются, возникает неловкая пауза. Первым находится Олег:

– Нет, бывают и одиночки. Сейчас я тебя с кем-нибудь познакомлю. – Он оглядывает террасу, выискивая кого-то глазами, и вдруг громко зовет: «Таська!»

Слежу за его взглядом, но не понимаю, к кому он обращается. Однако Олег, видимо, установивший контакт с адресатом, призывно машет рукой. Из-за одного столика поднимается стройная темноволосая девушка и направляется к нам. Мои собеседники чуть пододвигаются, освобождая место для гостя. Олег хватается свободный стул от соседнего стола и приглашает девушку сесть.

– Привет, ребята! – звонко здоровается загорелая красавица, садится за стол рядом со мной и протягивает в приветствии руку: – Здравствуй, Саша, приятно познакомиться, я – Таша.

– Саша и Таша, – хохочет Олег, но тут же ойкает, получив тычок от сидящей рядом жены.

– Приятно познакомиться, Таша, – вежливо отвечаю я, но про себя в очередной раз с досадой отмечаю, что, похоже, каждый из присутствующих гостей знает, как меня зовут.

– Что, никак не привыкнешь к известности? – точно прочитав мои мысли, усмехается девушка. – Ничего, это издержки тесных компаний. Мы все в курсе, что сегодня на остров прилетел новенький.

– Сколько раз нужно прилететь сюда, чтобы отделаться от клейма новичка?

Компания смеется моей формулировке.

– Думаю, ты будешь новичком, пока здесь не появится кто-то еще. Тогда наше дружелюбное сообщество переключится на новую жертву, а к тебе потеряют интерес. Ты странный, – добавляет Таша, подумав. – Радуйся, столько внимания тебе!

– Здесь часто бывают новички?

– Бывают иногда, – уклончиво отвечает девушка, и мы возвращаемся к ужину, переходя с моей скромной персоны на нейтральные темы.

Со временем публика клуба начинает редеть. Довольные, зевающие гости тянутся к выходу, и, увлеченный беседой с Ташей, я не замечаю, как из-за нашего стола уходят жены моих новых знакомых. А через некоторое время со своих мест поднимаются и Олег с приятелем.

– Рады знакомству, Саша, – вежливо сообщает Олег, и я пожимаю мужчинам руки. – Мы еще пойдем попробуем посоревноваться с Джимом в алкогольных гонках, а вас оставляем наедине.

С этими словами, подмигнув Таше, ребята тактично оставляют нас вдвоем. Таша на подмигивание реагирует неожиданно, награждая задницу Олега звонким шлепком. Тот картинно взвизгивает, показывает девушке язык и ускоряет шаг.

Интересно, как бы отреагировала на эту шалость супруга Олега, окажись свидетелем этой пикантной сцены... Впрочем, насколько я успел узнать ребят, все происходящее на острове воспринимается ими с максимальной естественностью, так что, думаю, и этот двусмысленный жест никак не нарушил бы царящую вокруг и в душах этих странных людей гармонию.

Оставшись наедине, мы с Ташей некоторое время молча пьем вино, наблюдая за игрой лунного света на глади ночного моря. В какой-то момент я ловлю себя на том, что, несмотря на количество выпитого за ужином спиртного, я не чувствую в себе ни единого признака опьянения. Сознание продолжает оставаться кристально ясным, в точности как в момент пробуждения в самолете. И даже легкий намек на сонливость ощущается как призыв следовать за привычной сменой суток, нежели как потребности уставшего от ярких событий разума.

Желая прогнать намек на скорый отход ко сну, решаю покинуть этот уютный островок света и спуститься сквозь темное побережье к воде. Делюсь этой идеей с Ташей, но девушка особенного энтузиазма не выказывает.

– Саш, ты хороший и интересный парень, – выдержав неловкую паузу, мягко произносит она, – и я знаю, куда это все ведет. Но я здесь по несколько иным причинам. Поэтому мне лучше оставить этот вечер таким, какой он есть, и пойти спать. Но ты, если хочешь, сходи к воде. Увидишь там кое-что красивое. А завтра мы снова встретимся здесь или на пляже и продолжим наше общение. Договорились?

С этими словами она встает и протягивает руки, приглашая к объятиям. Я поднимаюсь и обнимаю девушку, стараясь скрыть под улыбкой легкое разочарование. Таша целует меня в щеку, желает приятного вечера и направляется в сторону выхода.

Когда девушка уходит, оглядываю веранду и обнаруживаю, что остался один. Все гости разошлись по номерам, их столики тщательно убраны, и только на моем дрожит, сопротивляясь порывам ветра, пламя свечи. Задуваю упрямый огонек и кивком благодарю кинувшегося к моему столу официанта.

Когда я выхожу с веранды в помещение бара, Джим за стойкой поднимает на меня взгляд, не прекращая невозмутимо начищать полотенцем бокал. Судя по точности его движений и отсутствию малейших признаков опьянения, бармен в очередной раз вышел победителем из алкогольного турнира.

– Джим, дай мне бутылку чего-нибудь, – прошу, оказавшись у барной стойки.

– Спиртного? – хитро прищурившись, уточняет он.

– Спиртное у вас бесполезно. Давай что-нибудь безобидное для здоровья.

Джим понимающе улыбается, достает из холодильника лимонад и делает попытку перелить напиток в бокал, но, увидев, как я отрицательно замотал головой, просто протягивает мне бутылку.

– Доброй ночи, Джим.

– Приятных снов, Саша. И поздравляю с прибытием на остров. Уверен, ты найдешь здесь все, что ищешь.

– А разве я что-то ищу? – уже в дверях оборачиваюсь к нему я.

– Все ищут, – пожав плечами, неопределенно отвечает Джим и с невозмутимым видом возвращается к прерванной моим появлением работе.

Отхожу на несколько шагов от клуба и оказываюсь в крошечной темноте. Виднеется только дорожка, освещенная теплым светом садовых ламп. Поднимаю глаза к небу и вижу усеянное звездами и туманностями ночное полотно, ранее скрытое от меня лиственным настилом террасы. Звездное небо – настолько редкое зрелище для жителей крупных городов, что я иду к отелю, задрав голову вверх, и несколько раз чуть не падаю, случайно сойдя с траектории и споткнувшись о живую изгородь с цветами.

Иду знакомой дорогой к пляжу и, почувствовав под ногами песок, как и днем, скидываю обувь и оставляю ее у последнего освещенного участка тропинки. Пальцы ног проваливаются в приятную прохладу остывшего песка.

Пляж кажется совершенно темным, однако, приглядевшись, я замечаю странное голубоватое свечение у кромки воды, которое с моим приближением становится все более интенсивным. И только подойдя вплотную, я обнаруживаю причину этого гипнотического явления: в воде в причудливом танце, то наплывая на берег, то уходя обратно с легким волнением играющего с ними моря, плавают крохотные, светящиеся неоновым синим светом частички. Они переливаются, сходятся в сплошные цепочки, а потом, ударяясь о берег, вновь распадаются на тысячи маленьких ярких точек. Море, будто не желая оставаться в долгу перед раскинувшимся над островом звездным полотном, возвращает ему земной ответ из голубых созвездий.

Закатываю штаны по колено, вхожу в воду и некоторое время наблюдаю, как мерцающие огоньки облепляют мои ступни. Светлые штаны до самого пояса освещаются исходящим от воды призрачным голубоватым свечением. Шевелю пальцами, и частички испуганно разлетаются, чтобы через несколько секунд, набравшись смелости, снова собраться у моих ног.

Оглядываюсь по сторонам. Вся примыкающая к пляжу кромка воды освещена этим ровным, неоновым и совершенно невозможным светом. «Красиво. Чертовски красиво!» – думаю я, соглашаясь со сказанными перед уходом словами Таши, и даже конфуз с неудачным приглашением на свидание отходит на второй план.

Я провожу на темном пляже еще около часа, отпивая из бутылки обжигающе холодный лимонад и глядя на танец переливающегося фитопланктона. Периодически кидаю в воду небольшие комки мокрого песка. Они падают в воду со звонким всплеском, и потревоженные огоньки, до этого синхронно набегающие с волнами, вдруг ненадолго выстраиваются в причудливые узоры, но потом возвращаются к своему привычному волновому движению.

На плечах и спине ощущается легкое жжение – сказывается дневное пребывание на солнце. Но легкий жар на коже кажется даже приятным, и я в очередной раз думаю, что даже солнце здесь соответствует правилам поддержания максимального комфорта отдыхающих. Кажется, что, даже если гости острова забудут о средствах защиты от солнца, в точности как это сделал сегодня я, воспитанное корпорацией светило не вызовет фатальных ожогов кожи.

«Идеально. Все очень идеально», – думаю я, начиная понимать, почему Вадим выбрал именно этот остров в качестве своего подарка. Это место просто не могло не понравиться моему другу, потому что было полным отражением его характера. Выверенное. Правильное. Безопасное. Скучное.

Хотя последнее определение и кажется мне оскорбительным по отношению к окружающей красоте, я трезво оцениваю перспективы дальнейшего здесь пребывания. Меня ожидают несколько дней непрекращающегося безделья в идеально подходящей одежде, среди приятных, вежливых, но скрытных собеседников, под ярким, но безопасным солнцем, целый день светящим над морем комфортной температуры.

Обо всем этом я думаю, направляясь в номер, но уже в постели мысленно укоряю себя за это нытье. «Тебе сказали, погружайся, Саша, вот и погружайся! Постарайся хоть раз в жизни не испытывать муки совести от бездействия и как следует отдохни!» – говорю я себе, прежде чем выключить свет и заснуть крепким сном.

6

Следующие несколько дней в тропическом раю проходят почти так же, как и первый. Днем я проводил время на пляже с новыми знакомыми, а вечером встречался с ними же в клубе, чтобы неспешно, в мерцающем свете свечей, побеседовать на отвлеченные темы. Ребята познакомили меня с другими гостями острова – оказалось, что они неплохо знали всех отдыхающих, поскольку местный контингент менялся редко. Впрочем, «познакомили» – это громко сказано. Каждый из гостей отеля к моменту нашего знакомства уже знал мое имя, так что ситуацию можно было бы описать высокопарным «Я был представлен этим людям», если бы не тот факт, что мои новые знакомые с первой минуты знакомства фамильярно делали вид, что мы знакомы минимум со школы. И никакой высокопарностью или вежливой холодностью, обычно свойственной членам устоявшихся сообществ, от них не веяло.

На фоне всеобщего дружелюбия островная идеология полного отречения от мирских забот, первое время вызывавшая раздражение, стала восприниматься как нечто неизбежное. Я решил перестать сопротивляться реальности и

получать удовольствие от всех немногих доступных мне развлечений.

Желая разнообразить досуг, в один из вечеров я не иду в клуб с друзьями, а остаюсь в номере, чтобы почитать случайно найденные в одной из прикроватных тумбочек книги. Нужно ли говорить, что находка в полной мере соответствовала моим литературным вкусам?

Так что после пляжа, боясь показаться невежливым, я ссылаюсь на плохое самочувствие и сообщаю, что сегодня не смогу составить друзьям компанию. Не думаю, что они поверили, – обстановка острова, казалось, не допускала самого факта существования у людей плохого самочувствия. Но будучи людьми вежливыми, не подают виду, а лишь желают мне скорейшего выздоровления и скрываются в отеле, чтобы привести себя в порядок перед традиционными вечерними посиделками.

Остаток вечера я провожу в кровати, погрузившись в книги. Чтение настолько увлекает истосковавшийся по новым впечатлениям ум, что я не замечаю, как на острове наступает ночь.

Бросаю взгляд на окно, вижу сквозь занавески вновь появившуюся луну и вспоминаю причудливый ночной танец морских огоньков, к которому не возвращался с первого вечера. Ведомый странным чувством, поднимаюсь с кровати, вдеваю ноги в шлепанцы и направляюсь к двери.

Выйдя на улицу, вдыхаю прохладный ночной воздух. Где-то справа играет музыка, слышатся смех и звон бокалов. Клуб живет своей жизнью. Но сегодня я направляюсь в сторону темного пляжа.

Через некоторое время вдалеке появляется знакомое голубое свечение. Приближаясь к нему, я вдруг замечаю у воды маленький желтый огонек. Огонек колеблется и то виден отчетливо, то на несколько секунд исчезает из поля зрения. Заинтересовавшись, поворачиваю к загадочному источнику света.

Когда подхожу ближе, удается разглядеть рядом с огоньком силуэт человека. Человек сидит на песке у самой воды, наполовину освещенный стоящей рядом старомодной керосиновой лампой.

«Кто-то из гостей?» – думаю я.

Маловероятно.

Я несколько раз делал попытки вытащить друзей вечером из уютных клубных кресел и переместить вечеринку на пляж, но они всегда вяло отмахивались от этой затеи. Судя по всему, будучи завсегдатаями этих мест, они уже не раз посещали береговую линию ночью, и сумасшедшая красота неоновых огоньков не вызвала у них таких эмоций.

Когда до человека с лампой остается несколько шагов, мне наконец удастся рассмотреть его. Точнее ее – сидящая на берегу рядом с лампой фигура оказывается женской. Девушка с интересом наблюдает за реакцией светящихся обитателей на ее действия. В точности как и я в свою первую ночную вылазку.

Незнакомка склоняется к воде, и ее светлые длинные волосы тут же окрашиваются в мистический синий оттенок. Девушка настолько увлечена происходящим, что не слышит, как я подошел.

Некоторое время думаю, как привлечь ее внимание, чтобы случайно не напугать. Но, перебрав все возможные варианты, прихожу к выводу, что не существует ни одного способа подкрасться ночью к одинокому человеку на пляже, не испугав его, и тихо произношу:

– Привет.

Девушка вздрагивает от неожиданности, раздается плеск воды, и огонечки отшатаываются от опущенных в воду ног. Она поворачивается ко мне, и керосиновая горелка освещает половину ее испуганного, красивого, немного детского и совершенно незнакомого мне лица. Я еще не успел выучить имена всех обитателей острова, но худо-бедно узнавал их в лицо и готов был поклясться, что этой девушки раньше не видел.

Незнакомка тем временем берет себя в руки и, смущенная своей реакцией, произносит с легким вызовом в голосе:

– Вы меня напугали! Привет.

– Прости, я... Я не хотел, – неловко отвечаю я, привыкший к тому, что гости отеля с первой минуты знакомства переходят на «ты». – Просто весело хлопнуть тебя по плечу показалось мне еще худшей затеей. Я присяду?

Девушка молчит, а потом вдруг неожиданно задает вопрос:

– Как меня зовут?

– Это какая-то игра? – озадаченно отвечаю я, пытаюсь улыбнуться, но тут же стираю улыбку с лица, наткнувшись на совершенно серьезный взгляд.

– Я не знаю, как тебя зовут, – признаюсь я.

Взгляд девушки теплеет, и она чуть улыбается:

– Садись. Я тут провожу эксперименты над этими странными светлячками. – Она кивком головы указывает на синие осмелевшие огоньки, снова обступившие ее ступни. – Кстати, не знаешь, кто это такие?

– Это какой-то фитопланктон, – говорю я, усаживаясь рядом. – Эта красота называется биолюминесценция.

– Какое красивое слово для такого красивого явления. Есть в этом что-то очень правильное, когда красивые вещи называют красивыми именами. Жаль, что так бывает не всегда.

– Тогда я хочу узнать твое имя, чтобы проверить, насколько оно тебе соответствует.

Девушка бросает на меня хитрый взгляд.

– Ах ты, какой подкат! Засчитано! – И добавляет, чуть помолчав: – Я Оля. А ты?

– Саша.

Она протягивает руку, и я пожимаю ее тонкую, мокрую, перепачканную в песке ладонь.

– Ну что, подходит мне мое имя? – кокетливо спрашивает Оля, неловко отряхивая с рук песок.

– А вот и не скажу! Зазнаешься еще. А почему ты спросила, знаю ли я, как тебя зовут?

Она пожимает плечами:

– Здесь всем известно мое имя. Мне хотелось встретить того, кто его не знает. Тогда мы могли бы познакомиться как все нормальные люди. А не вот так...

В сознание вдруг врывается догадка.

– Когда ты прилетела?

– Сегодня днем, – отвечает она. – А что?

– Поздравляю, – улыбаюсь. – Теперь ты – новичок.

– В каком смысле новичок?

– Раньше новичком был я. И все, с кем я знакомился, уже знали мое имя. Этот остров, насколько я понял, построен на некоем подобии клубной системы. Гости давно знают друг друга, а обо всех впервые появившихся на острове узнают мгновенно.

– Да, я сегодня была в этом ресторане...

– В клубе?

– Да, в клубе. И не понимала, почему все так на меня смотрят. А когда бармен обратился ко мне по имени, так и вовсе неловко стало. Непривычный какой-то сервис...

- Бармена зовут Джим, он приятный парень. - зачем-то поясняю я. - Пьет только не в меру, но, похоже, это никак не сказывается на его работе.

Оля рассеянно кивает и, тряхнув головой, откидывает упавшие на глаза волосы.

- Несовершенная система. Так не должно быть. Новички могут испытывать неловкость, оказавшись под столь пристальным вниманием.

- И испытывают, - соглашаюсь я. - Но к этому быстро привыкаешь.

- Ты здесь давно?

- Несколько дней.

- Не скучно?

- Немного, - честно признаюсь я. - Не уверен, что это мой стиль отдыха: целыми днями ничего не делать и постигать нирвану.

- Понимаю, - смеется Оля. - Я тоже не в восторге, когда нечем занять мозги. Мой мобильник не работает, и я чувствую себя неуютно, будучи отрезанной от внешнего мира.

- Зачем же ты сюда приехала?

Оля смотрит, широко распахнув глаза:

- Затем же, зачем и ты, думаю?

- Мне эту путевку подарили, так что я пока сам не понимаю, зачем оказался здесь. Остров призывает к отказу от всего, что окружало нас там. - Я неопределенно киваю в сторону темного горизонта. - Но я пока не понял, что он дает взамен. Мне все говорят - расслабляйся, Саша. Ну я и расслабляюсь в меру сил. Что еще остается-то?

– Жаль, что ты провел здесь несколько скучных дней. Прости, я не могла прилететь раньше, – то ли в шутку, то ли всерьез произносит девушка.

– Кстати, откуда ты прилетела?

– Разве это так важно?

Смеюсь.

– Ну вот, ты всего несколько часов на острове, а уже разговариваешь как его обитатели. Никакой конкретики, только мягкие, обтекаемые формулировки. И всеобщее состояние расслабленности. Ом-м-м... – Я закрываю глаза и сажусь в позу лотоса.

Девушка смеется и брызгает мне в лицо водой.

– Саш, может, это и неплохо. В городах мы потребляем слишком большое количество ненужной информации. Мы отравлены этими сыплющимися на нас со всех сторон фактами. Нам нужно быть в определенном месте в определенное время, нужно постоянно делать какие-то дела, встречаться с нужными людьми. Представляешь, какой оборот речи? «Нужные люди». Как инструменты. И у каждого инструмента есть свои особенности. Этот богат, этот глуп, этот слаб, этот веселый, а этот заставляет нас грустить. С этим нельзя флиртовать, а с этим чуть-чуть придется. На этого можно надавить, а с этим стоит держать ухо востро. Не люди, а какие-то манекены с ярлыками. Никакого волшебства. А здесь теплое море, солнце, простые люди, не лезущие в твою душу и не пытающиеся окунуть тебя с головой в свою. И вот огонечки эти еще, – она поводила ногой в воде, и огоньки закружились в неоновом водовороте, – волшебные. Ты веришь в волшебство?

Я глупо молчу, растерявшись от этого кажущегося на первый взгляд детского, но неожиданно глубокого вопроса. Широты восприятия мира большинства женщин, с которыми я раньше бывал на отдыхе, обычно хватало лишь на то, чтобы сформулировать свои претензии к сервису отеля. Окажись они со мной на этом острове, уже на второй день свели бы с ума, жалуясь на жару, слишком тесный номер и недостаточную светскость отдыхающего здесь общества. А тут незнакомая девушка вместо того, чтобы попытаться выяснить, в каком районе расположена моя квартира в Москве и в каком классе номера я остановился,

спрашивает, верю ли я в волшебство.

– Я не верю в сказочное волшебство, – честно отвечаю я. – Но верю в право каждого человека считать волшебством все, что ему захочется. Чтобы стать волшебником, не обязательно уметь творить чудеса. Мы становимся волшебниками, когда начинаем находить чудеса в повседневных явлениях. Волшебник – это лаборант в фотоателье. Он видит чистый лист бумаги, а потом с помощью специального раствора позволяет на этом листе проявиться фотографии. Он не оценивает композицию кадра, не оценивает натуральность эмоций людей на снимке. Его задача – родить на свет изображение, чтобы другие его увидели. Наверное, если смотреть на мир так же, как этот проявщик, без ожиданий и оценок, то мы увидим для себя много волшебства.

– Проявщик, да... Или скульптор, – вдруг подхватывает Оля. – Создает ли скульптор фигуру из камня или просто освобождает от лишнего уже существующий в куске камня образ?

– Или так, – соглашаюсь я, подумав. – Так даже поэтичнее.

– Ты забавный, – говорит Оля, – с тобой будет нескучно.

Смущенно пожимаю плечами, и мы еще некоторое время молча наблюдаем за игрой света в воде. Потом Оля, опершись рукой на мое плечо, поднимается и потягивается, разминая затекшую спину.

– Наверное, мне пора отдыхать, – произносит она сквозь зевок. – Я устала.

– Ты чувствуешь себя уставшей? – удивляюсь я, вспомнив свое невероятное ощущение бодрости, не отпускавшее меня с момента пробуждения в самолете до самой ночи.

– Да, я направилась сюда сразу после работы. Меня выдернули внезапно, я даже не успела толком подготовиться.

«Похоже, Оля прилетела по горячей путевке», – думаю я, но ничего не говорю, а тоже поднимаюсь, подхватываю горящую лампу, и мы направляемся в сторону отеля.

Мы подходим к стойке портье, чтобы вернуть позаимствованный Олей фонарь. За стойкой дежурит тот же парень, с которым я познакомился в день своего заезда. Встретив нас с профессиональной любезностью, он принимает из моих рук старомодную лампу и желает спокойной ночи.

Поднимаемся на второй этаж. Оля живет в другом конце коридора, в комнате под номером два. Мы некоторое время неловко стоим у лестницы, потом обнимаемся, желаем друг другу приятных снов и расходимся.

Засыпая в необъятной кровати, я думаю, что еще никто в этом мире ни в дорогих отелях на лучших курортах, ни в лучших московских ресторанах, ни в самых дорогих клубах никогда не пытался узнать, верю ли я в волшебство. Люди все чаще измеряют любое волшебство цифрами. Но становятся ли голубые огоньки менее прекрасными оттого, что мы не можем их посчитать?

На следующее утро, спустившись к завтраку, неожиданно встречаю Олю в лобби. Она одета в похожие на мои белые свободные брюки и фирменную отельную рубашку, на которой Оля закатала рукава. Волосы собраны в хвост и оголяют длинную изящную шею. Оля о чем-то спорит с человеком за стойкой, и лицо работника отеля, сменившего ночью знакомого портье, выражает полное недоумение.

- Доброе утро. - Я подхожу к спорящим.

- Привет, Саша! - возбужденно здоровается Оля. - Представляешь, у них нет на острове никаких развлечений. То есть совершенно никаких: ни водных мотоциклов, ни дурацких надувных бананов, ни полетов на парашютах и дельтапланах!

- Мы не допускаем на острове того, что может производить шум и мешать спокойствию других отдыхающих, - поясняет портье.

Оля, видимо, не первый раз услышавшая это вежливое объяснение, кивает в подтверждение его слов.

- Видишь, Саш?

Благодарю растерянного служащего и за локоток отвожу от стойки разбушевавшуюся новую знакомую. Оля для вида протестует, а сама улыбается комичности масштаба устроенного ею скандала.

– Пойдем-пойдем. Не ты ли вчера мне говорила о расслаблении? И вот я застаю тебя с утра в самом разгаре боевых действий.

– Ай, – отмахивается Оля. – Мне просто хотелось вывести его из себя. Они все тут такие вежливые. Просят меня чувствовать себя как дома, а я, понимаешь, не могу чувствовать себя как дома, если мне не хамит обслуживающий персонал!

Смеемся и вместе направляемся в сторону клуба. За стойкой в баре все так же работает Джим. Желающих пить с самого утра немного, поэтому он просто задумчиво смотрит в сторону террасы, на которой уже завтракает несколько гостей.

Увидев нас с Олей, Джим оживает и машет рукой. Я, страшно довольный тем, что наконец пришел в клуб не в гордом одиночестве, с радостью пожимаю протянутую руку и представляю бармену свою спутницу. Оля сдержанно здоровается и почему-то нетерпеливо тянет меня на террасу.

Мы садимся за свободный столик, уже сервированный к завтраку. На столе графин с апельсиновым соком, ароматные круассаны и тарелки с мелко нарезанными сыром и колбасой.

Оля оглядывает завтракающих гостей. Некоторые из них бросают на девушку ответный любопытный взгляд. Потом Оля смотрит на наш стол так, словно видит его впервые, и некоторое время о чем-то размышляет, по-детски закусив губу.

– Ты говорил, что здесь все гладко и однообразно, так? – спрашивает она.

– Да, полная благодать, – медленно отвечаю я.

Оля вдруг перегибается ко мне через стол и манит рукой. Я тоже подаюсь вперед так, чтобы наши лица встретились. Оказавшись рядом с моим ухом, Оля вдруг вполголоса начинает ругаться:

– Тогда, может, к черту их всех, а? С этими их нейтральными улыбками и безупречным поведением. С этими светскими разговорами о погоде и футболе.

– Допустим. К черту, – соглашаюсь я. – И что же ты предлагаешь?

– Идеология острова предполагает расслабленное следование течению событий, так?

Киваю, по-прежнему не понимая, куда она клонит.

– События складываются таким образом, что я прямо сейчас собираюсь отправиться завтракать на пляж. Чтобы брать эти вкусные круассаны руками, кусать их, не боясь испачкать скатерть или измазать лицо в джеме. И чтобы нас окружала не болтовня этих людей, а шум набегающих волн. И возможно, я даже буду чавкать, потому что ужасно голодна! Саша, если мы не можем сбежать с острова, давай сбежим хотя бы с этого чертова светского раута?

Я отстраняюсь и внимательно смотрю девушке в глаза. Их задорный блеск наводит на мысли, что моя новая знакомая сумасшедшая. Но с сумасшедшими спорить нельзя, тем более с такими очаровательными. Поэтому, не сказав ни слова и не сводя с нее глаз, начинаю медленно стаскивать со стола скатерть вместе с находящимися на ней предметами.

Оля распознает в моем жесте полное согласие и быстро переставляет со скатерти на оголившуюся деревянную поверхность все тарелки с едой. После этого я беру в руки похищенный кусок белоснежной ткани, и мы, действуя синхронно, словно проделывали это уже тысячу раз, заворачиваем в скатерть несколько произведений французских пекарей и кидаем сверху закуски. После чего я складываю скатерть уголками и закидываю за спину на манер мешка.

Заговорщицки улыбаясь и прыская со смеху, взявшись за руки, мы направляемся к выходу. Несколько гостей провожают нас удивленными взглядами, пока мы, лавируя между столиками и ожидая возмущенного окрика официантов, похищаем завтрак с террасы. Покидаем клуб и двигаемся в сторону пляжа.

Мне доводилось завтракать в лобби самых дорогих европейских отелей, в кафе лучших альпийских курортов с закрытой клубной системой и панорамным видом на величественные заснеженные горные вершины. Мне приносили завтрак в

постель служащие пятизвездочных отелей и угощали лучшими круассанами, утренним рейсом привезенными из Франции. Но ничто из перечисленного не могло сравниться с расстеленной на песке, мятой, перепачканной скатертью, рядом с которой сидит Оля и, прищурившись, глядит на низкое утреннее солнце, хрустя слоеным тестом. Крошки падают на ее просторную рубашку, но она даже не пытается их стряхнуть и весело мычит какую-то песню с набитым ртом, в такт шевеля ступнями.

Теперь, при свете дня, мне удастся лучше рассмотреть этот внезапно появившийся в моей жизни маленький тропический торнадо.

Светлые волосы, прядями спадавшие на плечи, обрамляют ее лицо с большими серыми глазами. Порой, задумавшись, Оля морщит маленький, чуть вздернутый носик, отчего ее лицо озаряется хитрым ребяческим упрямством.

Она не была красива в том смысле красоты, в каком ее понимали знакомые мне девушки, всеми силами старающиеся подчеркнуть достоинства и с не меньшим рвением замаскировать недостатки. В Оле не было вызывающей, дразнящей, лоснящейся, как центр ночного города, показухи. Вместо этого она как бы светилась изнутри теплой, спокойной, убаюкивающей красотой. Ее привлекательность исходила изнутри, проявлялась в жестах, мимике, голосе и напоминала ласковое свечение ночника. И Оля не только не старалась при каждом встречном врубить на всю катушку свой яркий женский прожектор красоты, но, казалось, даже не подозревала о его существовании.

Уже позднее, когда мы провели бесконечные часы в разговорах, я понял, что Оля из тех девочек, которым в детстве хочется признаваться в любви. В ней не было искусственной, надменной холодности, которой маленькие девочки учатся сразу же, как только у них начинают получаться песочные куличики. Как только она понимает, что если начать вести себя с мальчиками определенным образом, то куличики – стараниями попавших под детское обаяние мальчишек – начинают появляться перед ней сами собой, мир маленькой принцессы с тех пор никогда не становится прежним.

Оля больше была похожа на девочку, которая не только сама слепила все свои куличики до единого, да еще и показала мальчишкам по песочнице, как это правильно делается. После чего скорее всего быстро потеряла интерес к скульптурам из песка и стала смотреть, что еще в этом мире осталось непознанным.

С появлением Оли на острове время потекло иначе. Она всегда находила способы внести разнообразие в тихую расслабленную рутину тропического рая. Умела смотреть на кажущиеся простыми вещи под другим углом, после чего с легкостью консервного ножа вскрывала скучную действительность и извлекала на свет новые, блестящие точки зрения.

Иногда Оля проявляла прекрасное чувство такта, чувствуя момент, когда стоило выключить неумный жужжащий моторчик. Но уже через минуту в ней снова включался дух авантюризма, и девушка начинала изобретать все новые способы внести в монотонную и умиротворенную окружающую обстановку толику контролируемого безумия.

Бывало, мы о чем-то жарко спорили, но, не сойдясь во мнениях, Оля всегда внимательно выслушивала мои аргументы, прежде чем высказать свои. И даже иногда их принимала. Я отвечал ей взаимностью, признавая за ней право отличаться. Но это различие ничуть не умаляло моей симпатии, а даже, напротив, с каждым днем распаляло ее еще сильнее.

В другой раз она что-то с интересом рассказывала, и мы невзначай касались друг друга, неловко жестикулируя. От этих прикосновений меня била дрожь. В них не было и намека на вульгарные, пьяные клубные облапывания, ни намека на сексуальный вызов. Она прикасалась своими прохладными ладонями, в шутку заключала меня в объятия, и я сходил с ума, вдыхая медовый аромат ее волос и тонкий терпкий запах молодого загорелого тела.

Оля тоже чувствовала возникающее между нами электричество. Вдруг замирала, когда я невзначай гладил ее по спине, и задерживала свою руку в дружеском прикосновении чуть дольше, чем того требовали правила приличия.

Были в ее поведении и некоторые странности. Например, даже после нескольких дней пребывания на острове и состоявшегося формального знакомства Оля предпочитала избегать компании других обитателей. Мои островные друзья, с которыми я провел свой первый вечер в клубе, проявляли тактичность, не навязывая свое общество. Мы лишь перекидывались несколькими общими фразами, если пересекались на пляже или в клубе. Но Оля почему-то это общение игнорировала, не заходила дальше вежливого приветствия и постоянно тянула меня подальше от других гостей.

После того завтрака с похищением скатерти мы редко проводили время в клубе. Оля говорила, что «всякие рестораны» надоели ей еще дома и на острове ей хотелось бы все делать «не так, как обычно». Я разделял желания подруги, и большую часть времени мы проводили под густой растительностью, окружавшей отель, и на берегу моря, наслаждаясь послеобеденным сном в тени пальм, купаясь и загорая.

Наша кожа быстро приобрела ровный бронзовый оттенок без каких-либо последствий, вроде охватывающих все тело огнем солнечных ожогов – еще один подарок таинственного острова, заботящегося о комфорте своих гостей.

Но самым главным подарком все-таки была Оля. Не проходило и дня, чтобы я не поразился странному совпадению, по которому мы оба оказались в этом маленьком тропическом раю, где одежда подходит по размеру, а на полке вдруг находится твоя любимая книга. Иногда я в шутку говорил, что так гармонично подходящая мне Оля – часть идеальной сервисной программы отеля, за что получал щелчок по лбу и хвастливые заверения в том, что «вообще-то так и должно быть».

В комнате Оли так же, как и в моей, нашлись книжки, и иногда мы развлекали друг друга чтением вслух. Подруге традиционно доставались женские роли, а мне мужские. Она своим тоненьким голоском пыталась изобразить монолог героини в летах, а я покатывался со смеху. Оля картинно обижалась, запускала в меня книгой и заставляла дочитывать монолог престарелой леди за нее. И тогда наступала ее очередь смеяться.

Мы не пытались выяснить ничего об обычной жизни друг друга с тех самых пор, как Оля отказалась назвать свой город. Вполне хватало объединяющего нас маленького райского уголка и того волшебства, которое мы в нем находили. Местные могли бы нами гордиться – настолько мы стали похожими на них в отказе от всего мирского. Могли бы, если бы порой не приходили в полный ужас от нашей манеры нарушать все возможные принятые на острове правила.

В один из вечеров мы выпрашиваем у Джима бутылку вина и пару бокалов к ней. После чего, привычно игнорируя светский вечер на террасе, направляемся напрямиком туда, где однажды случайно встретились.

Оказавшись на пляже, садимся на прохладный песок и по очереди, как в студенческие годы, отпиваем прямо из бутылки. Позабытые бокалы остаются лежать на песке, а мы молча смотрим на гипнотизирующий калейдоскоп синих огоньков в воде.

- Как ты думаешь, эти огоньки знают, насколько они красивы? – задумчиво спрашивает Оля, положив мне голову на плечо.

- Думаю, нет. Им ведь никто об этом никогда не говорил.

- А разве для того, чтобы узнать, что ты красив, кто-то обязательно должен об этом сказать?

- Ты знаешь, что ты красивая? – задаю я вопрос в лоб.

- Догадываюсь... – тянет Оля через несколько секунд смущенного молчания.

- Ты знаешь об этом потому, что тебе так говорили мужчины. Женщина свою красоту познает через мужчин. Скажет мужчина своей женщине «ты самая лучшая» – и она каждое утро будет просыпаться с этой мыслью. Самые красивые женщины – те, которых любят. Их легко узнать по глазам – их освещает свет, зажженный мужчиной. Есть мужчины, которые всю жизнь этот свет в своих женщинах гасят. Но есть и другие – кропотливо поддерживающие яркий огонь, подбрасывающие ветки и оберегающие его от ветра.

- Так почему же тогда эти огонечки такие красивые?

- Потому что мы их любим.

Оля улыбается, делает глоток, а я забираю у нее бутылку, втыкаю доньшком в песок и, поднявшись, протягиваю руку.

- Что? – не понимает она, но протягивает руку в ответ и поднимается с песка.

Молча привлекаю Олю к себе, обнимаю за талию и подаюсь чуть в сторону, увлекая ее за собой, и какое-то время мы молча танцуем под размеренный, понятный лишь нам двоим, ритм ночного моря. Чувствую сквозь тонкую

отельную одежду, как сильно бьется Олино сердце.

Сквозь прикрытые веки вижу слабое синее мерцание. Дыхание девушки становится отчетливее. В полной темноте слух обостряется настолько, что я даже могу расслышать кажущийся сейчас таким далеким шум клубного вечера.

Отстраняюсь от девушки и заглядываю ей в глаза. По Олиной щеке несколько раз пробегают голубоватые, отраженные от воды, блики. Некоторое время мы молча смотрим друг на друга, сбившись с ритма. Ее рот чуть приоткрыт, и я замечаю маленькую капельку вина под ее нижней губой. Не отдавая себе отчета, чуть наклоняюсь и подхватываю эту капельку губами, и через мгновение наши губы встречаются.

Долго целуемся с закрытыми глазами: сначала нежно и осторожно, едва касаясь, точно пробуя друг друга на вкус, а потом все более жадно, крепче сжимая друг друга в объятиях. Голова кружится, руки слабеют от раздрающего изнутри, наполняющего все тело восторга. Окружающая темнота взрывается в закрытых глазах голубыми искрами, уже не понимаю, где нахожусь я, где Оля, а где море с его голубыми огоньками. В мире остается только хрупкое подрагивающее тело, теплые влажные губы, ее рука в моих волосах.

Не замечаем, как безнадежно пьяные – не от вина, но от каждой секунды, проведенной вместе, задышающиеся от счастья несемся по пляжу. Гормональный любовный коктейль, смешанный лучше любого из напитков в барном шейкере Джима, ударяет нам в головы. Едва оказавшись в номере, мы жадно набрасываемся друг на друга и двигаемся в сторону постели, по пути скидывая просторную одежду и неловко задевая немногочисленную мебель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/emdin_andrey/kogda-ty-prosnesh-sya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)